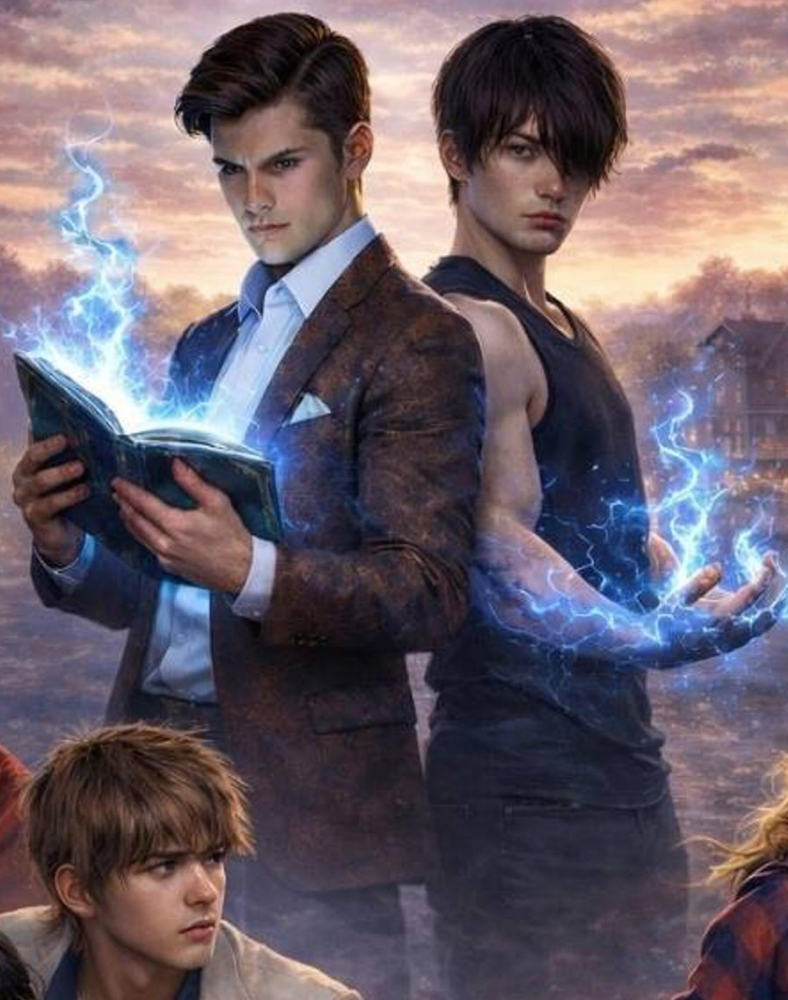


РИВЕР НАЙТФОЛА



Переплёт
МЕЖДУ
Мирами

Ривер Найтфолл
Переплёт между мирами

«Автор»

2026

Найтфолл Р.

Переплёт между мирами / Р. Найтфолл — «Автор», 2026

Джудит Миллер – обычная старшеклассница, чья жизнь состоит из зубрежки уроков и попыток стать невидимой для школьных задир. Её единственная опора – любимая бабушка и трое друзей. Но в один день её скучная и предсказуемая жизнь внезапно меняется, когда в школьном коридоре она находит маленькую старинную книгу в кожаном переплёте. Одно прикосновение к её страницам – и Джудит проваливается в мёртвый, сумрачный город, населённый чудовищами.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ривер Найтфолл

Переплёт между мирами

Глава 1

В спальне, заполненной густым мраком, у высокого окна с тонкими серебряными решётками стояла молодая женщина. Длинные волосы, чёрные, как вороново крыло, падали ей на спину. Бледное лицо её было так красиво, что казалось неживым, словно кто-то вырезал его из лунного света, заливавшего покой. Стены комнаты были затянуты тёмным бархатом от пола до потолка, а под ногами лежали бордовые ковры с длинным мягким ворсом. У изножья широкой кровати, застеленной мехами, сидел волк неестественно крупных размеров. Голову он держал гордо, и его внимательные глаза смотрели в темноту, не мигая.

Женщина медленно отвернулась от окна. В тёмных глазах стояла такая глубокая, такая давняя печаль, что смотреть на неё было почти больно. Губы дрогнули и приоткрылись.

– Мисс Миллер.

Голос прозвучал совсем рядом. Скрипучий и совершенно настоящий.

– Мисс Миллер, может быть, хотя бы сегодня вы не забыли свой доклад по истории?

Джудит дёрнулась так резко, что ударилась коленом о парту.

Никакой спальни. Никакого волка. Только кабинет истории, залитый тусклым сентябрьским светом, запах мела и двадцать пар глаз, уставившихся на неё в предвкушении зрелища.

– А? Что? – Джудит заморгала, сиюсье стряхнуть с себя остатки сна, и судорожно полезла в рюкзак. Пальцы заскользили по тетрадам, мятым страницам, ланчбоксу. Внутри всё похолодело. Доклада не было. – Но... мне казалось, я положила его утром. Я точно помню.

– Вам кажется уже который раз за эту неделю. Быть может, пора обратиться к специалисту?

Миссис Хартли, сухая, как жердь, и такая же прямая, нависла над её партой. Она не кричала. Она говорила безэмоционально ровным голосом, как машина, прекрасно зная, как унижить ученика, не повышая тона.

На соседнем ряду Хён со вздохом покачал головой и отвернулся к окну, разглядывая серое осеннее небо. Спереди послышался тихий смешок Ханны Флетчер. Джудит не составило труда представить её идеальную, злорадную ухмылку. Ханна ненавидела её ещё с детского сада, но за последние годы ненависть эта обрела новый оттенок, потому что Хэнджун, идеальный, богатый, недосыгаемый Хён, по какой-то неведомой причине предпочёл общаться с «серой мышью» Джудит, а не с ней.

– Миссис Хартли, у меня действительно всё было готово, – пробормотала Джудит, чувствуя, как горят щёки. Она продолжала бессмысленно рыться в рюкзаке. – Если вы дадите мне минуту, я найду...

– Ваши отговорки ничего не меняют, мисс Миллер, – перебила учительница, приподняв бровь. – Если у вас проблемы с памятью и базовой организацией своего времени, вам стоит обратиться за медицинской помощью. А мой класс не место для реабилитации.

По кабинету истории прокатилась волна хохота. Джудит вжала голову в плечи. Ощущение было таким, словно с неё заживо сдирают кожу. В этот момент что-то мелкое и жёсткое ударило её в затылок и отскочило на парту. Пожёванный шарик из бумаги.

Она посмотрела направо. Джейкоб Паркер сидел через проход, крутил в пальцах ручку и невинно смотрел на доску. Светловолосый и зеленоглазый парень с повадками стервятника. Они с Ханной были так похожи и внешне, и внутренне, будто их вывели в одной лаборатории специально для того, чтобы отравлять Джудит жизнь.

Хотелось просто исчезнуть. Раствориться в воздухе. Или стереть их всех в порошок.

Когда спасительный звонок, наконец, прозвенел, Джудит вылетела из-за парты одной из первых, но в коридоре её нагнал Хён. С лёгкой, чуть виноватой улыбкой он опустил ей руки на плечи.

– Джуд, я сегодня пас, – сказал он. От него, как всегда, пахло дорогим парфюмом, а каштановые волосы лежали в безупречной укладке. – Приезжает дядя с новой женой. Отец устроил из этого целую драму и выпросил меня у директора, чтобы я помог с ужином. Так что постарайся дожить до конца уроков и не привлекать к себе внимания больше, чем сегодня, окей?

Не успела Джудит ответить, как рядом, словно из-под земли, выросла Ханна.

– Хён! – голос её сделался сладким, как патока. – Если нужна помощь с ужином, я свободна. У меня отличный вкус в сервировке.

Парень медленно повернулся к ней. Он расправил плечи, отчего стал казаться ещё выше, и смерил её скучающим взглядом.

– Тебя совсем не учили манерам? – спросил он ровным, почти ласковым тоном. – К тому же я устал повторять: так меня могут называть только друзья. А мы с тобой не друзья.

Улыбка сползла с лица Флетчер, будто её стёрли мокрой губкой. Она перевела взгляд на Джудит, и в этом взгляде было столько чистого, неприкрытого отвращения, что девушке стало не по себе. Ханна развернулась на каблуках и зашагала прочь.

– До завтра, – Хён подмигнул Джудит и направился к выходу.

Она посмотрела ему вслед. Пак Хёнджун с семьёй переехали из Кореи в Вайтфилд четыре года назад. Его родители владели несколькими ресторанами «Лис и лотос» в Пенсильвании и планировали открыть ещё несколько в приграничных штатах. Хён одевался в бутиках, играл на пианино и выглядел так, словно только что сошёл с экрана. Вся школа ломала голову, почему такой парень прибился к их невзрачной компании: нелепая Джудит, работяга Тесса и балагур Калеб.

– Ох уж эти привилегированные детки, – раздался за спиной знакомый голос. – Взял и ушёл. А мне сегодня ещё на тренировку пилить, а потом на смену.

Джудит обернулась. Тереза Стюарт, или просто Тесса, латиноамериканка с волнистыми волосами, была младше Джудит на год. И сколько они были знакомы, а дружили девушки ещё до школы, Тесса всегда была очень активной и целеустремлённой. Не желая сидеть на шее у родителей, она вечерами подрабатывала в местном кинотеатре «Наутилус», а перед работой тренировалась в команде по водному поло в бассейне спортивного корпуса школы. Она стояла, прислонившись к стене. Спортивная сумка висела на плече, волосы были собраны в объёмный, небрежный пучок.

– Зайдёшь за мной после бассейна? – спросила Тесса. – Проведаем Калеба. Этот идиот со своим гипсом скоро с ума сойдёт дома.

– Точно не сегодня, Тесс, – Джудит устало потёрла переносицу под очками. – Прости. Настроения вообще нет.

Слова учительницы преследовали девушку весь день. А ещё этот мерзкий плевок Паркера. Кстати, Джейкоб и Калеб раньше дружили, пока их отцы не разругались вдрызг на работе. Вдобавок к этому, парни были главными соперниками в баскетбольной команде. Так что, Паркер никогда не упускал случая задеть Джудит, чтобы побесить Эдвардса, прекрасно зная, что тот всегда бросится на её защиту. Но в данный момент Калеб сидел дома со сломанной ногой, Хён уехал, а у Тессы сегодня было меньше уроков, и она торопилась в бассейн. Джудит осталась одна.

Страшной она себя не считала. Не красавица, конечно, но и не уродина. Разве что ростом не вышла. У неё были густые тёмно-русые волосы и, вроде как, милое личико, если верить бабушке и Калебу. Только вот очки оставались вечной проблемой. Она как-то пробовала

перейти на линзы, но глаза начали болеть и слезиться. Так что быть очкариком, по всей видимости, ей предстояло до конца своих дней.

Наступила большая перемена. Школьные коридоры постепенно наполнялись народом. Джудит медленно брела к своему шкафчику за тетрадь по обществознанию и думала о том, почему людям вроде Ханни и Джейкоба так нравится сбиваться в стаи и травить тех, кто слабее. Неужели им просто скучно жить?

Она подошла к своему ряду шкафчиков, погружённая в мысли, и вдруг почувствовала, как наступила на что-то. Джудит опустила глаза.

На старом, вытертом линолеуме лежала книга. Не учебник и не библиотечный роман. Она была небольшой, толстой и выглядела так, будто пролежала в земле лет сто.

Джудит наклонилась и подняла её. Книга оказалась неожиданно тяжёлой. Обложка была обтянута чем-то тёмным и шершавым, на ощупь похожим на высохшую кожу. В самом центре красовалась странная позолоченная руна, контуры которой складывались в непонятную фигуру. От книги слабо пахло пылью и сухой землёй.

Охваченная необъяснимым любопытством, Джудит открыла её наугад.

Страницы были из плотной, пожелтевшей бумаги. По ним хаотично рассыпались символы неизвестного алфавита, угловатые и острые, чем-то похожие на клинопись. И вдруг они шевельнулись.

Джудит замерла и перестала дышать. Ей показалось? Нет. Символы на бумаге дрогнули, как насекомые, разбуженные светом. Они поползли по странице, сливаясь в слова, перестраиваясь в предложения, и тут же снова рассыпаясь в бессмыслицу.

В глазах у неё потемнело. Воздух вокруг сгустился, уши заложило, как при резком взлёте. Что-то холодное, скользкое и, совершенно чужеродное, мягко проникло в её голову, обволакивая мысли. Джудит попыталась вскрикнуть, но горло свело спазмом. Она с силой захлопнула книгу.

Звон в ушах пропал.

Она жадно вдохнула воздух и подняла глаза.

Шкафчиков больше не было. Не было линолеума, не было плакатов на стенах, не было запаха школьной столовой.

Она стояла посреди пустой асфальтированной дороги.

– Где это я? – прошептала Джудит.

Холодный воздух ударил ей в лицо. Небо над головой было чёрным, но не ночным. Это была густая, неестественная мгла, и прорезал её только свет гигантской, раздутой луны.

Место до жути напоминало Вайтфилд. Те же очертания домов, те же повороты улиц. Но всё было неправильным. Мёртвым. Фонари стояли слепыми столбами, в окнах не горело ни огонька. Дома казались серыми скелетами, из которых высосали всю жизнь. И вместе с этим зрелищем накатила такая тяжёлая, беспросветная тоска, что на глаза сами собой навернулись слёзы.

Джудит попятилась. Книга всё ещё была зажата в её руках.

Она свернула к ближайшему дому, поднялась на скрипящее деревянное крыльцо. Постучала в дверь, и звук гулко разнёсся по улице. Никто не ответил. Она шагнула в сторону и заметила, что окно кухни выбито. Осколки стекла усеивали пол внутри. Джудит осторожно заглянула. Слой серой пыли, порванная паутина, перевёрнутый стул.

И вдруг наверху, на втором этаже, скрипнула половица.

Джудит замерла. Сердце ударилось о рёбра.

Шарк. Шарк.

Со стороны лестницы послышались шаги. Кто-то медленно, неестественно тяжело спускался вниз. Во мраке коридора показалась тёмная фигура. Она не шла, а двигалась рывками, и направлялась к входной двери.

Внутренний голос заорал: БЕГИ!

Джудит отшатнулась от окна, прыгнула с крыльца и бросилась обратно к дороге. За её спиной дверная ручка задёргалась. Кто-то скребся в дверь изнутри, пытаясь выбраться.

– Привет.

Тихий, спокойный голос раздался прямо над её ухом.

Джудит взвизгнула, отскочила и чуть не упала.

Перед ней стоял мужчина на вид не старше двадцати пяти. На нём красовался коричневый костюм-тройка, совершенно неуместный в этом мёртвом мире. Прямые брови, скулы, очерченные, будто по линейке, и карие глаза, смотревшие на неё спокойно, но очень пристально. Джудит забыла, как дышать.

– Кто... кто вы? – выдавила она, пятась назад. – Как я здесь очутилась? Что это за место?!

Мужчина слегка улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. От неё веяло чем-то потусторонним.

– Как много вопросов, – протянул он. Голос был мягким и вкрадчивым. – Кто я, тебе, возможно, ещё предстоит узнать. А вот кто такая ты?

– Я Джудит... Джудит Миллер. Ученица старшей школы Вайтфилда, – ответила она, как заворожённая, не в силах оторвать взгляд от его лица.

– Прекрасно, – равнодушно отозвался он. – А теперь дай сюда Лунарис.

Он не стал ждать. Рука его метнулась вперёд, и он вырвал книгу из её пальцев. Джудит даже не успела среагировать.

– Где ты её нашла? – мужчина брезгливо отряхнул обложку. – Как она перенесла тебя без моего участия?

– Она... она просто лежала на полу в коридоре! Я открыла её, буквы начали двигаться, и я оказалась здесь!

Он презрительно сощурился:

– Дурочкой прикидываешься?

– Это правда! – Джудит всхлипнула, чувствуя, как по щекам катятся слёзы паники. – Я ничего не понимаю! Почему здесь ночь?! Вытащите меня отсюда!

Мужчина нахмурился, глядя на книгу.

– Школа Вайтфилда... Это странно. Лунарис ещё никогда не покидала меня, тем более на такое рассто...

Он осёкся. Взгляд его метнулся вверх её головы.

Джудит обернулась.

Из разбитого окна дома, к которому она только что подходила, нечто выползло наружу.

Сначала показались руки, длинные и бледные, с вывернутыми назад суставами. За ними последовала ещё одна пара рук. Существо двигалось по стене, как гигантский изломанный паук.

Тело его было человеческим, бледным и раздутым, но голова... На месте лица скалилась широкая улыбка, растянутая от уха до уха, полная острых, как иглы, зубов. Ни глаз, ни носа. Только зубы.

Оно прыгнуло на землю с влажным шлепком.

Джудит открыла рот, чтобы закричать, и рванулась назад, но незнакомец в коричневом костюме схватил её за воротник рубашки и дёрнул на себя.

– П-пустите! – забилась она.

Существо замерло. Оно забралось на полуразвалившуюся бетонную ограду, вцепившись в неё четырьмя руками, и повернуло свою зубастую голову в их сторону. Оно приняло своё.

Мужчина грубо развернул Джудит к себе.

– Слушай меня внимательно, – сказал он, и в голосе его не осталось ничего, кроме жёсткого, режущего холода. – Если я тебя отпущу, угадай, что будет? Вариант первый: ты бежишь,

теряешься в этом чужом для тебя мире и умираешь от истощения или обморожения. Вариант второй: ты бежишь, эта тварь догоняет тебя и разрывает на куски. Есть третий вариант: я сам скормлю тебя ей, чтобы не тратить время. Что выбираешь?

Джудит уставилась на него, не веря своим ушам. Он не шутил. В карих его глазах не было ни капли сочувствия.

Страх парализовал её, но инстинкт самосохранения тут же перехватил управление. Она изо всех сил пнула его по голени.

– Ау! – мужчина поморщился и разжал пальцы.

Книга выскользнула из его руки и упала на асфальт. Джудит подхватила её и рванула через дорогу, не разбирая пути, ныряя в густые заросли когда-то живой изгороди.

За её спиной раздался влажный щёлкающий звук. Тварь сорвалась с ограды.

– Миа... миа... миасцо, – забормотало существо. Голос его звучал, как мокрое чавканье. Оно несло через дорогу, перебирая четырьмя конечностями с пугающей скоростью.

Джудит продиралась сквозь сухие ветки, царапавшие кожу. Она упала на колени на чьём-то заросшем заднем дворе и судорожно раскрыла книгу.

– Пожалуйста! – рыдала она, перелистывая плотные страницы. – Домой! Верни меня домой!

Сзади раздался резкий свист, похожий на треск льда, а следом омерзительный визг.

Джудит обернулась.

Незнакомец в костюме стоял посреди дороги. Существо в прыжке летело прямо на него, широко раскрыв пасть. Мужчина даже не шелохнулся. Он лениво вытянул руку вперёд, и из его открытой ладони вырвался длинный сверкающий ледяной шип. Со свистом прошив воздух, шип вонзился прямо в зубастую голову монстра.

Тварь рухнула на асфальт, дёрнулась пару раз и затихла.

Джудит вжалась в ствол сухого дерева, не смея дышать.

– Джудит Миллер, выходи, – раздался холодный голос. Мужчина стоял всего в тройке ярдов от кустов и вытирал ладонь платком. – Я тебя прекрасно вижу. Лунарис тебе не поможет. Произошла ошибка, но она больше не повторится.

Джудит сжалась в комок.

В следующую секунду кусты раздвинулись. Он стоял прямо над ней.

– Я сказал, отдай книгу.

Паника сменилась отчаянием. Джудит вскочила на ноги, схватила книгу за переплёт и вцепилась в несколько страниц.

– Если вы подойдёте, я её разорву! – крикнула она сорванным голосом. – Вы хотели скормить меня этой твари!

– Да я же пошутил, – он закатил глаза, словно она была капризным ребёнком. – Просто проверял твою реакцию. Я бы мог убить тебя прямо здесь, но мне не нужны трупы школьниц на моей совести.

– Я вам не верю! – руки её тряслись. Она с силой потянула за край страницы. Послышался сухой треск рвущейся бумаги.

Лицо мужчины мгновенно потемнело.

– Потихе, истеричка, – процедил он сквозь зубы. – Чёрт возьми, сколько с тобой возни.

Он двинулся так быстро, что она даже моргнуть не успела. Оказавшись вплотную к ней, он вырвал книгу из её рук, а второй ладонью с силой толкнул Джудит в грудь. Земля ушла из-под ног. Воздух с хлопком выбило из лёгких. Тьма накрыла её с головой.

Джудит сидела на полу у своего шкафчика.

Затылок гудел так, словно по нему ударили молотком. Она потянулась к больному месту, и пальцы нащупали шишку размером с крупную сливу. Линолеум под ней был холодным, в воздухе пахло хлоркой и столовской запеканкой.

Она заморгала, пытаясь сфокусировать взгляд. Школьный коридор. Серые дверцы шкафчиков. Плакат с расписанием футбольных матчей.

«Как я здесь оказалась?» – вялая, путаная мысль проплыла в голове.

Последнее, что она помнила: как спускалась по лестнице за забытой тетрадкой по обществузнанию. Шла по коридору, потом... пустота. Полный провал. Наверное, споткнулась, неудачно упала и отключилась на пару минут. Больше просто нечему было случиться. Никаких других объяснений не существовало.

Хотя где-то на самом дне сознания, под слоем тупой боли, копошилось странное, липкое чувство. Ощущение ледяного холода и чей-то голос, мягкий, вкрадчивый, пугающий. Но стоило ей попытаться ухватиться за это воспоминание, и оно рассеялось, как дым.

– Ха-ха-ха! Что у нас тут?

Голос прозвучал сверху. Джудит вздрогнула и подняла голову.

Джейкоб Паркер стоял над ней, широко расставив ноги, с видом победителя. Рядом переминался Гаррет Уилсон, он же Слагги, тощий бледный паренёк с бегающими глазками, всегда готовый подхихикнуть любой гадости Джейкоба. Вокруг уже собиралась толпа. Десяток учеников с любопытством смотрели на Джудит, сидящую на грязном полу с разбитым затылком.

– Крошка Джудит нашла новый способ укоротить свою скучную жизнь? – ухмыльнулся Джейкоб.

Слагги заржал тонко и визгливо, как гиена.

Джудит почувствовала, как щёки заливаает краска. «Хорошо, что Хён уехал, – мелькнула мысль. – Хорошо, что Тесса на тренировке».

Она оперлась о холодный металл шкафчика и заставила себя встать. Колени дрожали, в голове звенело, но она выпрямилась.

– Мне уже надоело терпеть ваши издевательства, – произнесла она. Голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но не дрогнул. – Почему бы вам не заняться чем-то полезным, вместо того чтобы троллить других?

Ребята в толпе переглянулись. Вперёд протолкалась Ханна Флетчер. Она окинула Джудит таким взглядом, словно перед ней лежала раздавленная гусеница.

– Фу, – скривилась Ханна. – Ты такая злая и неприятная, когда дружков рядом нет. А перед ними прикидываешься святошей. И чего Калёб с Хёном могли найти в такой дуре, как ты?

Она вытащила телефон, шагнула вплотную к Джудит и, кривляясь, начала делать селфи на её фоне.

– Выложу это в свой аккаунт, – громко объявила Ханна. – Напишу, что завела себе четырёхглазого питомца. Кстати, никто не знает, что это за вид?

– Может, это оптический планктон? – предположил Гаррет.

– Скорее, аквариумный задротос, – поправил Джейкоб, – вид вымирающий, среда обитания библиотека.

Скотт хлопнул Паркера по плечу, и оба покатались со смеху.

Слёзы предательски защипали глаза. Как бы Джудит ни старалась выглядеть сильной, быть мишенью для насмешек целой толпы было невыносимо. Унижение жгло изнутри, перекрывая даже боль в затылке.

– Что здесь происходит?

Голос, как нож, прорезал гул смешков. Через толпу уверенным шагом прошла Кэрол – высокая, с короткой дерзкой стрижкой, в чёрном топе и узких джинсах. От неё веяло такой уверенностью, что окружающие инстинктивно делали шаг назад.

Джейкоб скривился и пробурчал что-то про «мисс Мамочку».

Кэрол даже не удостоила его взглядом. Она подошла к Скотту Янгу, который стоял чуть в стороне с неизменной снисходительной полуулыбкой, и властно взяла его за руку.

– Опять ты ерундой занимаешься? – строго спросила она, потянув его за собой. – Я же просила не общаться с этой компанией. Это не твой уровень. Хочешь скатиться на нижнюю ступень эволюции? И не забудь, сегодня вечером мы идём учить роли ко мне.

– Да помню я, – пробормотал Скотт.

Он послушно побрёл за ней, опустив голову. Тёмные, вечно смеющиеся миндалевидные глаза его спрятались под чёлкой, а щёки залились румянцем. Хотя полуулыбка так и не сошла с его лица.

Джудит не стала дожидаться, пока толпа найдёт новый повод для шуток. Придерживая съехавшие очки и стирая рукавом непрошеные слёзы, она бросилась бежать по коридору. Ей просто нужно было убраться отсюда. Куда угодно.

Она не смотрела, куда бежит, пока с размаху не врезалась в миссис Девоншир, учительницу английского и литературы.

– Так-так, что у нас тут?

Эта молодая женщина заметно отличалась от других преподавателей весёлым характером и какой-то чрезмерной, даже неуместной в школьной среде добротой. Голова её постоянно была занята новыми идеями о том, как повысить культурный уровень учеников. Она организовывала экскурсии и походы, вела кружок по домоводству. Школа, казалось, и была всей её жизнью. Ребята относились к ней хорошо и искренне удивлялись, откуда она берёт на всё это столько времени и сил.

Миссис Девоншир была в красивой розовой блузке и белых джинсах. А ещё она тоже носила очки. Учительница внимательно взгляделась в лицо Джудит.

– Ты плачешь. Кто-то тебя обидел?

– Нет, всё в порядке, – Джудит поспешно вытерла щёки. – Я в норме, правда. Просто... упала. Ударилась головой.

– Всего лишь мелкие неурядицы, и рассказывать ты мне о них не собираешься, ведь так? – миссис Девоншир шутливо насупила брови. У неё это вышло так забавно и искренне, что Джудит, вопреки всему, слегка улыбнулась. – Ты...

– Джудит Миллер.

– А как ты без очков, Джудит? В стены не врезаешься? Читать можешь?

Джудит непонимающе моргнула.

– Эм, да. То есть, не врезаюсь, и читать могу. Просто глаза быстро устают и болят. Зрение плохое, но ориентируюсь я без труда.

– Это хорошо, – кивнула учительница. – А я вот без них как слепой крот.

– А почему вы спрашиваете?

– Есть у меня к тебе одно предложение. Пойдём в мой кабинет, у меня сейчас как раз нет урока.

Джудит в замешательстве поплелась за учительницей. Они поднялись на второй этаж и вошли в кабинет. Стены были увешаны портретами Диккенса, Остин, Хемингуэя и Фицджеральда. На подоконнике стоял горшок с каким-то полумёртвым растением, а рядом лежала стопка книг.

Девоншир начала прямо с порога.

– Ты наверняка слышала, что в ноябре у нас будет премьера спектакля «Двенадцатая ночь»?

– Ну да, – осторожно ответила Джудит. – Слышала.

– Я набрала весь каст, кроме одного. Мне не хватает Виолы. Никто не подходит внешне. И тут я вижу тебя. Вы с Брэнденом Шерманом, который играет Себастьяна, практически одного роста. Оба тёмненькие, худые. Снять с тебя очки, надеть парик, и из зала разницы почти не будет.

Джудит уставилась на неё.

– Вы шутите? Какая из меня актриса? Я... я даже доклад по истории забыла, и до сих пор не могу вспомнить, где он. Попросите, лучше, Тессу Стюарт – она лучше справится.

– Доклад по истории и игра на сцене – это совершенно разные вещи. Стюарт... да, она действительно подходит лучше всех для этой роли по всем параметрам. Я уже обращалась к ней, но у неё и так слишком плотный график. – Девоншир достала из ящика стола пачку листов и протянула ей. – Вот. Прочитай первую реплику Виолы. Сними очки. Я хочу посмотреть, как ты справишься. И немножечко расшевелись. Цезарию, в которого переодевается твоя героиня, довольно бойкий юноша.

Джудит взяла сценарий. Руки всё ещё чуть дрожали, но уже не от страха, а от неожиданности. Она сняла очки. Мир стал чуть размытым по краям, но буквы на странице были видны ясно.

– Где мы сейчас находимся, друзья? – прочитала она.

Девоншир тут же подхватила, встав рядом и читая за капитана:

– Мы, госпожа, в Иллирию приплыли.

– Но для чего в Иллирии мне жить, когда мой брат в Элизие блуждает? А вдруг случайно спасся он?

– Возможно: ведь вы спаслись!

– Увы, мой бедный брат. Какой бы это был счастливый случай.

– Джудит, читай более эмоционально, – мягко перебила Девоншир. – Виола очень волнуется за брата. Она думает, что он погиб. Она одна в чужой стране. Вспомни... – учительница замялась, подбирая слова. – Вспомни, каково тебе было пять минут назад, в коридоре. Когда ты стояла одна, а вокруг чужие люди, которые смеются. Это близко к тому, что чувствует Виола.

Джудит посмотрела на неё. Потом снова в текст. И прочитала, но на этот раз по-другому. Не громче и не театральнее, а просто честнее. Из того места внутри, которое болело.

Они прочитали всю вторую сцену. Прозвенел звонок на урок, топот и крики за дверью в коридоре постепенно стихли. Джудит протянула сценарий обратно.

– Наверное, это не моё. Мне пора идти.

– Нет-нет, – Девоншир покачала головой и мягко отвела её руку. – Давай так. Ты берёшь сценарий домой. Читаешь. Покривляешься перед зеркалом. А завтра к одиннадцати приходишь в школу, в актовый зал. Посмотришь, как репетируют ребята. Попробуешь вместе с ними. Если тебе не понравится, забудем. А если понравится, это будет замечательно. У тебя ведь нет планов на субботу?

– Хорошо, – сказала Джудит. – Я попробую.

Она убрала пачку листов в рюкзак, поблагодарила учительницу и вышла из кабинета. Шла по коридору и думала: участие в пьесе это ужасная идея. Она просто отдаст сценарий завтра и забудет. Хотя... чтение по ролям, надо признать, было увлекательным. Впервые за весь день она на несколько минут перестала быть Джудит Миллер, девочкой, которую травят. Она была Виолой, девушкой, потерявшей всё и начинающей жизнь заново.

На улице стоял погожий сентябрьский день, клонившийся к вечеру. Тучи давно разошлись, и солнце висело низко над крышами, заливая тротуары густым золотым светом. Листья клёнов горели рыжим и красным. Воздух пах прелой травой и чем-то сладким, где-то на соседней улице пекли яблочный пирог.

Настроение Джудит заметно поднялось. Она шла по Блуминг-лейн и пинала каштаны. Инцидент в школьном коридоре уже казался чем-то далёким и нереальным.

Она дошла до дома и обнаружила свою бабушку на соседнем участке. Миссис Бёрнс и миссис Кромсби сидели за садовым столиком на лужайке, играли в карты и пили зелёный чай. Бабушка, невысокая, кругленькая, с седыми кудряшками и морщинками, которые складывались в узор, похожий на карту счастливой жизни, подставила щёку для поцелуя.

– Вы не поверите, – сказала Джудит, чмокнув бабушку. – Мне предложили играть главную роль в школьном спектакле.

Женщины отложили карты.

– Чудесная новость! – миссис Бёрнс расцвела. – Надеюсь, ты согласилась? Тебе давно пора было найти какое-нибудь увлечение, а то только дома сидишь перед телевизором.

– Пока нет, – Джудит вытащила из рюкзака сценарий. – Вот, посмотрите. Шекспир, «Двенадцатая ночь».

Миссис Кромсби, соседка, отставила чашку и потянулась к листам. Она была высокой, худой, седой и носила серьги-кольца такого размера, что в них можно было просунуть кулак.

– О, это же забавнейшая комедия! – воскликнула она. – Давай-ка сюда. А знаете что? Пойдёмте ко мне домой, сядем в гостиной и пробежимся по ролям все вместе.

Весь оставшийся вечер они провели в гостиной миссис Кромсби, тесной, заставленной старинной мебелью и пахнувшей шоколадными конфетами и кошачьей шерстью. Два персидских кота, Блubberри и Блэкберри, лежали на спинке дивана и высокомерно наблюдали за тем, как три человека читали вслух пьесу четырёхсотлетнего драматурга. Бабушка читала за Оливию и делала это с таким чувством, что Блubberри испуганно спрыгнул с дивана. Миссис Кромсби взяла на себя всех мужских персонажей и озвучивала их басом, от которого дребезжали стёкла в серванте. Джудит читала за Виолу, и с каждым разом, с каждым прогоном сцены, с каждым повторением реплики, что-то внутри неё оживало. Слова Шекспира, произнесённые вслух в маленькой гостиной, в обществе двух пожилых женщин и двух надменных котов, делали то, чего не могли сделать ни утешения, ни слёзы, ни злость: они давали ей право быть кем-то другим.

К полуночи Джудит еле держалась на ногах от усталости, но внутри горело что-то новое, маленький, неуверенный, но настоящий огонёк. Она шла домой через тёмный двор, а бабушка придерживала её за плечо. Звёзды горели над Вайтфилдом, было тихо и хорошо.

Засыпая в своей постели, Джудит была уже почти готова сказать «да».

В субботу утром она вошла в актовый зал школы с твёрдой решимостью, которая прожила ровно четыре секунды.

Потому что среди старшекласников, расхаживающих по сцене и бубнивших свои реплики, стоял Скотт Янг. И рядом с ним – Кэрол.

Джудит развернулась к выходу, но дверь за ней открылась, и вошла миссис Девоншир, едва не наступив ей на пятки.

– О, ты уже здесь! Замечательно! – Учительница схватила её за локоть и потянула к сцене. – Слушайте все! У меня хорошая новость. Я, наконец, нашла Виолу!

Скотт, стоявший у задника с кружкой кофе, поперхнулся. Кэрол подняла бровь и с интересом оглядела Джудит с головы до ног.

– Джудит, поднимайся на сцену, – Девоншир уже раскладывала листы на режиссёрском столе. – Кто у нас ещё новенький? Берите сценарии и начинайте читать по ролям – все вместе. Кстати, я немного изменила концовку, перепишите по моему образцу, там совсем чуть-чуть. Карандаши лежат в ящике стола. Я добавила парочку поцелуев в финал. Зритель у нас молодой, так что немного экспрессии не помешает. Итак: в финале Оливия и Себастьян целуются, Виола и граф Орсино – тоже. То есть Кэрол с Брэндонном, Джудит со Скоттом.

Тишина.

Очень громкая тишина.

– Чего?! – Скотт и Кэрол произнесли это одновременно, с одинаковым выражением лица.

Ребята на сцене захихикали, загудели и заулюлюкали.

У Джудит загорелось лицо. По телу пробежал ледяной озноб. Она стояла на сцене перед дюжиной старшекласников и чувствовала себя так, будто ей только что объявили смертный приговор. Она бы сию секунду бросилась прочь со сцены, если бы у неё не парализовало ноги.

– Миссис Девоншир, – Скотт откашлялся, скрестив руки на груди. Его вечная полуулыбка исчезла, лицо приобрело зеленоватый оттенок. «Его от меня тошнит, – с ужасом подумала Джудит. – Его буквально тошнит от мысли, что ему нужно будет меня поцеловать». – Мы с Кэрол, мы вообще-то вместе. И я уж точно не буду целоваться с Миллер.

– А я с Брэндон, – поддакнула Кэрол.

– А вас никто не заставляет целоваться по-настоящему, – невозмутимо ответила Девоншир. – Ребята, вы же актёры. Вы притворяетесь. Смотрите. Девушка стоит спиной к залу. Партнёр кладёт ладони ей на лицо и наклоняется. За руками зритель ничего не видит, целуетесь вы или нет, никто и не узнает.

Она подошла к Брэндону Шерману, коренастому, добродушному пареньку с тёмными волосами и вечно удивлённым выражением лица, и продемонстрировала фальшивый поцелуй. Брэндон покраснел до корней волос.

– Ну, допустим, – нехотя сказала Кэрол. – Так ещё пойдёт.

Репетиция началась. Они читали по ролям, расхаживая по сцене, и Девоншир останавливала их каждые две минуты: «громче», «двигайся», «не бойся жестикулировать», «Брэндон, это Шекспир, а не доклад по физике, добавь эмоций». Скотт справлялся лучше всех, у него был красивый поставленный голос и умение держать паузу, но каждый раз, когда его реплика была обращена к Джудит, он смотрел куда угодно, кроме неё. На потолок, в пол, в сценарий, на Кэрол, на собственные ботинки.

Когда дошло до финальной сцены, до того самого поцелуя, Джудит нерешительно подошла к нему. Скотт стоял, засунув руки в карманы, и его лицо выражало примерно то же, что выражало бы лицо человека, которому предложили съесть живого таракана.

– Знаешь, я пока не готов, – сказал он, отмахнувшись. – Давай потом.

– Ну ладно, – Джудит пожала плечами. – Потом так потом.

Она сказала это легко. Беззаботно. Как будто ей всё равно.

Ей было не всё равно.

Но она решила научиться притворяться.

Через полчаса Девоншир подозвала Джудит к первому ряду зрительного зала. Учительница сидела, закинув ногу на ногу, с карандашом за ухом и блокнотом на коленях, и наблюдала, как ребята на сцене читали свои роли, то и дело сбиваясь и заглядывая в листы.

– Сядь-ка, – Девоншир похлопала по соседнему креслу. Джудит спустилась со сцены и села. – Знаешь что? У тебя уже неплохо получается. Правда. Но тебе нужно больше уверенности. И расслабься ты уже, ради бога. Очень заметно, что ты боишься Скотта. Не ударит же он тебя.

– Но он так смотрит на меня, – тихо сказала Джудит. – Они с друзьями меня просто ненавидят.

– Он стесняется, – Девоншир мягко покачала головой. – Вам нужно время, чтобы привыкнуть друг к другу. Это ваша первая репетиция, а впереди целых два месяца, ещё успеете раскрыться. – Она выпрямилась и хлопнула себя по коленям. – Так, жаль, что костюмы пока не готовы, но зато у нас есть парики. Сбегай в кладовку за ними, найдёшь там небольшую коробку с надписью «реквизит». А через пару недель мы сделаем из тебя настоящего Цезаря.

– Хорошо, – Джудит улыбнулась, впервые за этот день по-настоящему.

Она вошла в подсобное помещение, которое находилось недалеко от актового зала: в маленькую комнату без окон, пахнущую пылью, заставленную стеллажами с коробками и вешалками с пожелтевшими халатами уборщиков. Джудит протиснулась в дальний угол и нашла за вешалкой с халатами картонную коробку с надписью «РЕКВИЗИТ», выведенной чёрным маркером. Она присела на корточки и открыла крышку. Внутри лежали парики, бутафорские шпаги и пара бархатных шляп.

И тут дверь за её спиной отворилась.

Джудит инстинктивно отпрянула за вешалку с халатами. В подсобку вошли двое.

Первым она услышала сухой и скрипучий, безошибочно узнаваемый голос миссис Хартли. Но учительница говорила не так, как обычно. Не резко. Не свысока. Тихо. Послушно. Как будто была загипнотизирована чем-то прекрасным.

Второй голос был мужским.

Джудит осторожно раздвинула халаты и выглянула.

Миссис Хартли стояла посреди подсобки с блаженной, почти экстатической улыбкой на своём обычно каменном лице. Рядом с ней стоял молодой мужчина в коричневом костюме. Красивый. Очень красивый. Утончённый подбородок, прямые брови, русые волосы. Он говорил ей что-то негромко, и она кивала, и в её глазах, тусклых, будто подёрнутых плёнкой, было выражение абсолютного счастья. Как у лунатика или марионетки.

– Вы сможете снова увидеть своего сына, если пожелаете этого всей душой, – произнёс мужчина.

Он достал из внутреннего кармана пиджака книгу. Небольшую и потрёпанную. С обложкой из тёмной кожи.

Джудит не знала, почему у неё свело желудок. Она не помнила эту книгу. Она не помнила ничего: ни мёртвый город, ни монстра, ни ледяные иглы из ладони. Память была стёрта начисто. Но тело помнило. Тело послало ей сигнал опасности, чистый, животный, необъяснимый страх, от которого волосы на руках встали дыбом.

Мужчина открыл книгу и показал страницы Хартли. Учительница уставилась куда-то поверх них, не на буквы, а в пространство, которое открылось между страницами. Её лицо озарилось таким счастьем, какого Джудит никогда не видела на этом строгом, сухом лице.

Хартли медленно вытянула руку вперёд, к книге. И в следующую секунду – Джудит едва не закричала, зажав рот обеими ладонями, – её стало затягивать внутрь. Будто невидимая воронка втянула тело учительницы в раскрытые страницы. Это продолжалось мгновение. Одно мгновение.

Миссис Хартли исчезла.

Просто исчезла. Была, и нет. Подсобка стала пустой, если не считать мужчины, который спокойно захлопнул книгу и спрятал её обратно в карман.

Джудит не успела зажать рот достаточно крепко. Тихий задушенный вскрик вырвался из-под её пальцев.

Мужчина замер. Медленно повернул голову.

Его карие глаза мгновенно нашли её за вешалкой с халатами. Он шагнул к ней, и его красивое, безупречное лицо исказилось.

– Опять ты?! – прошипел он. – Преследуешь меня, что ли?!

Он протянул к ней руки.

Джудит вжалась в коробки, стоявшие у стены, но деваться было некуда. «Стоп, – мелькнуло в голове. – Что значит "опять"? Я его вижу впервые в жизни!»

Но додумать она не успела. Мужчина вдруг замер. Его лицо разгладилось, и по нему расплзлась медленная, зловещая улыбка.

– А почему бы не отправить тебя туда ещё разок, – пробормотал он, как будто обращаясь к самому себе, – только на этот раз как полагается?

Он присел перед ней на корточки. Достал книгу. Открыл. Перелистнул несколько страниц и показал их Джудит.

Она увидела пустые листы. Ни букв, ни символов. Абсолютно чистая, желтоватая бумага.

– Ну-ка, – сказал он, глядя на неё в упор, – поведай мне свою историю и скажи, чего бы ты сейчас очень хотела.

Джудит ошеломлённо таращилась на пустые страницы, не понимая, чего от неё хотят. Страх мешался с полным непониманием происходящего.

– Вы что, сумасшедший? И что вы сделали с Хартли? Как вы... как вы запихнули её туда?! Мужчина не ответил. Он потряс книгой перед её лицом, почти ткнув страницами ей в нос.

– Давай же, скажи мне, чего ты хочешь больше всего на свете?

Всё в Джудит кричало: беги, кусайся, дерись, делай что угодно, только не отвечай этому психу. Но его тёмный и давящий взгляд держал её, как тиски.

– Щенка хочу! – выпалила она, лишь бы отвязаться.

Хлопок.

Воздух дрогнул, как от удара невидимого кулака. И на грязном полу подсобки, между ржавыми вёдрами и рулоном туалетной бумаги, сидел щенок лабрадора. Золотистый и ушастый, с красным атласным бантом на шее. Он вилял хвостом так яростно, что задняя часть его тела моталась из стороны в сторону.

Мужчина отпрыгнул к двери. Его самоуверенное, контролирующее и всезнающее лицо на мгновение превратилось в лицо человека, который впервые за очень долгое время чего-то не понимает.

– Что?! Так не бывает! – Он перевёл дикий взгляд со щенка на Джудит. – Ты точно ненормальная!

Щенок радостно твякнул и попытался облизать его ботинок. Мужчина отдернул ногу.

Придя в себя, он шагнул к Джудит, схватил её за шиворот рубашки и рывком поставил на ноги. Его пальцы были ледяными, как будто он только что держал руки в морозильной камере.

– Что ты такое? – медленно произнёс он, глядя ей прямо в глаза. Его голос был уже не злым и не насмешливым. В нём было что-то новое. Что-то, похожее на настороженность.

– Н-не знаю, – Джудит втянула голову в плечи.

В этот момент в кармане его пиджака, резкой и пронзительной мелодией, такой же неуместной, как смех на похоронах, зазвонил телефон. Мужчина отпустил Джудит, достал мобильник и взглянул на экран. Его лицо стало задумчивым. Он сбросил вызов.

– Так. Ладно. У меня дела, – он убрал телефон и посмотрел на Джудит, как бы взвешивая в голове противоречивые мысли. – Разберёмся с тобой позже. А с этим сейчас.

Он щёлкнул пальцами. Щенок, который в этот момент самозабвенно грыз шнурок на кроссовке Джудит, исчез. Просто перестал существовать. Как и Хартли. Только красный бант беззвучно спланировал на пол и лежал там, яркий и нелепый, на грязном полу подсобки.

Джудит протянула руку к пустому месту, где только что была тёплая и живая, виляющая хвостом собака.

– Не переживай, – сказал мужчина, и его голос снова стал мягким, почти ласковым. – Ты недолго будешь расстроенной.

Он коснулся пальцами её лба. Лёгкое, невесомое прикосновение, как дуновение ветра, и всё исчезло.

Джудит стояла с коробкой в руках у дверей актового зала. Она моргнула. Посмотрела на коробку. На дверь. На свои руки. Сознание было мутным, расплывчатым, как будто она только что вынырнула из глубокого сна.

«Странно, – подумала она. – Я не помню, как дошла сюда из подсобки. Наверное, задумалась по дороге». Она толкнула дверь и вошла в зал.

Глава 2

Утро понедельника началось с катастрофы.

– Боже! Хартли убьёт меня! Как я могла проспаться именно её урок?!

Джудит вылетела из постели, запутавшись в одеяле, чуть не снесла стул с наваленной на него одеждой и судорожно начала одеваться. Схватила со стола очки, нацепила их криво, перецепила и скатилась по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

Миссис Бёрнс стояла на кухне и неторопливо расставляла тарелки.

– Бабуля! Я не услышала будильник! Почему ты не разбудила меня?!

Бабушка обернулась с выражением мягкого удивления на круглом лице.

– Ох, дорогая, ты не спускалась, и я решила, что у вас отменили занятия. Откуда же мне знать, что ты проспала? С тобой такого прежде не случалось. Перекуси, я сделала твои любимые вафли.

– Бабуль, ну какие вафли?! – Джудит натянула ветровку и распахнула входную дверь. – Она же убьёт меня, как ты не понимаешь?!

На ходу она выхватила телефон и напечатала Тессе: «Почему ты не зашла за мной сегодня? Я проспала!»

Ответ пришёл через полминуты: «Прости, подруга, упахалась на работе. Сама проспала. Думала, ты уже на занятиях».

Джудит бежала по тротуару, раскидывая кроссовками опавшие кленовые листья. Утренний воздух был холодным, от быстрого бега очки запотевали, и мир превращался в размытую акварель из рыжего и жёлтого. Школа находилась в десяти минутах ходьбы, и Джудит преодолела это расстояние за шесть, влетев в коридор раскрасневшейся, задыхающейся, с волосами, торчащими во все стороны.

Она опоздала всего на пять минут. Не смертельно, но для Хартли этого было вполне достаточно, чтобы устроить публичную казнь.

Джудит тихо открыла дверь кабинета истории и прошмыгнула на своё место, стараясь не привлекать внимания. Безуспешно.

– А вот и наша прима! – громогласно объявил Гаррет.

Несколько человек рассмеялись. Джудит вжала голову в плечи.

– О чём это он? – спросил Хёнджун, сидевший за соседней партой.

– Потом расскажу, не сейчас.

– Расслабься, тебе повезло, – Хён усмехнулся и кивнул в сторону учительского стола. – Ведьма, похоже, тоже проспала.

Джудит только сейчас заметила, что кресло миссис Хартли пустует. Класс жил своей обычной утренней жизнью: Ханна сидела на краю парты Скотта, наклонившись к нему, и крутила между пальцами новый золотой кулон с гранатом. Скотт рассматривал его с вежливым интересом. Хёнджун, откинувшись на стуле, листал ленту в телефоне. Он вдруг хмыкнул и повернулся к Джудит.

– Я просил тебя всего несколько часов продержаться, не привлекая внимания. Сто пятьдесят два лайка. Молодец.

Он повернул к ней экран. На нём было пятничное селфи Ханны рядом с шокированным лицом Джудит.

– Ты здесь похожа на испуганного хомяка, – добавил Хён.

Джудит застонала и уткнулась лицом в ладони. За выходные, с головой уйдя в репетиции и чтение Шекспира, она успела забыть о пятничном кошмаре в школьном коридоре. Теперь он вернулся в формате поста с полутора сотнями лайков.

Хёнджун молча встал, подошёл к Ханне, взял её за локоть и повёл к двери. Ханна попыталась вырвать руку, но Хён держал крепко. Скотт, приподняв бровь, вопросительно посмотрел на Джейкоба. Тот пожал плечами. За шумом в классе невозможно было разобрать, что именно говорил Хёнджун Ханне, но по её скрещённым на груди рукам, по побелевшим костяшкам пальцев и сжатым губам было понятно, что ничего приятного.

Дверь открылась, и в класс вошёл директор Эванс, невысокий лысеющий мужчина в неизменном сером костюме, который сидел на нём, как на вешалке. За ним следовал кто-то ещё.

– Пак, Флетчер, быстро по своим местам! – рявкнул директор.

Класс мгновенно затих. Все глаза устремились на человека, стоящего за спиной Эванса.

– Что ты ей сказал? – шёпотом спросила Джудит, когда Хён плюхнулся обратно на своё место.

– Если кратко, что если она не удалит фото прямо сейчас, я устрою ей ад в колледже. Мы же в один поступаем.

– Так-с, прошу вашего внимания, – Эванс проводил незнакомца к учительскому столу. – Миссис Хартли приболела. А это мистер Дарквуд, новый замещающий учитель. Он будет вести у вас историю, пока миссис Хартли не вернётся к нам в строй.

Мистер Дарквуд стоял перед классом, засунув руки в карманы безупречного коричневого пиджака, и обводил учеников спокойным оценивающим взглядом. Определить его возраст было невозможно. Он выглядел слишком молодо для учителя, казалось, что он сам не так давно сидел за партой. Но что-то в его осанке, в развороте плеч, в манере держать подбородок выдавало человека значительно старше, чем можно было подумать по его лицу.

У Джудит что-то перемкнуло в голове. Странное ощущение, будто она уже видела это лицо. Не здесь и не сейчас. Где-то в другом месте, в какой-то другой жизни. Она пыталась ухватить воспоминание, но оно ускользало, как рыба из рук. Оставалось только смутное чувство тревоги, которому не находилось объяснения.

Взгляд нового учителя скользнул по классу и на несколько секунд задержался на Джудит. Их глаза встретились. Его, карие и тёмные, были непроницаемы. Её, растерянные и расширенные за стёклами очков, ничего не понимали.

«Он смотрит на меня, – подумала Джудит. – Он смотрит на меня так, как будто знает. Но знает что?»

– Спасибо, директор Эванс, – сказал мистер Дарквуд, отвернувшись от неё. Голос его был мягким, приятным, с едва уловимым акцентом. – Сейчас мы познакомимся поближе с этими милыми детками.

Когда директор ушёл, Дарквуд сел в кресло, откинулся назад и подпёр подбородок кулаком. Он выглядел скорее как гость на вечеринке, чем как преподаватель. По классу пробежал шёпоток.

– Итак, – сказал он. – Прежде чем мы начнём урок, может, у вас будут ко мне какие-то вопросы?

Ханна, которая сидела ближе всех, мгновенно преобразилась. Расправила плечи, положила ногу на ногу, продемонстрировав, насколько коротка её юбка, и одарила нового учителя улыбкой, от которой в другое время у Джудит свело бы зубы.

– Конечно, будут, – промурлыкала Ханна, поигрывая кулоном на груди. – Как вас зовут?

– Всё, Пак, прошло твоё время, – громко хохотнул Гаррет. Несколько человек фыркнули.

Мистер Дарквуд, не меняясь в лице, откатился на стуле от стола и тоже положил ногу на ногу, зеркально копируя позу Ханны. Это выглядело настолько издевательски точно, что даже Джейкоб ухмыльнулся.

– Меня зовут Адриан, – сказал он. – Но для всех вас я только мистер Дарквуд.

– А-адриан, – повторила Ханна с придыханием, как будто пробовала на вкус экзотический фрукт. – Какое красивое и необычное имя.

– Наверное, это потому что мои предки родом из Центральной Европы.

– А откуда именно? – спросила Сюзан, рыжеволосая миниатюрная девушка с третьего ряда.

– Из Хорватии. А вообще, они много где бывали, – учитель неопределённо повёл рукой.

– Знаем мы, Дракула в Хорватии жил, вампиры, всё такое, – Джейкоб вальяжно растянулся на стуле, покручивая карандаш между пальцами.

Мистер Дарквуд усмехнулся. Не снисходительно, а с каким-то хищным весельем, как будто ему рассказали не очень смешную, но любопытную шутку.

– Граф Влад Цепеш был родом из Трансильвании, которая сейчас является частью Румынии, – сказал он. – Родился в знатной семье в тысяча четыреста тридцать первом году. Ещё молодым стал правителем Валахии и принял титул князя. – Он перевёл взгляд на Джудит. Прямо на неё, точно, как пуля. – Мисс Миллер, а вы можете добавить нам что-нибудь об этом легендарном персонаже?

Класс затих.

«Откуда он знает моё имя?» – Джудит в шоке уставилась на преподавателя. Переключку он ещё не проводил. Список учеников не доставал. Директор её имени не называл. Откуда?

Ханна обернулась на Джудит с видом инквизитора, которому только что указали на еретику. В её глазах читалось обещание скорой и мучительной расправы.

– Эй, Джуд! – выкрикнул Гаррет. – Если будешь и дальше так тарашиться на мистера Дарквуда, у тебя очки треснут от напряжения!

По классу прокатился хохот. Джудит густо покраснела.

Мистер Дарквуд смотрел на неё ещё несколько секунд, прожигая насквозь, как рентгеном, а потом отвёл взгляд с такой непринуждённостью, будто ничего не произошло.

– Что ж, ладно, добавлю сам, – сказал он. – Был такой орден Дракулы, что в переводе означает «Дракона». Он славился своей жестокостью в борьбе с врагами Трансильвании. Именно поэтому Влад принял это имя, став графом. Так что к вампирам и прочего рода мистике он не имеет никакого отношения.

Он рассказал ещё немного и о Хорватии, так легко и увлекательно, без всякого занудства, перемежая факты шутками и задавая вопросы, на которые хотелось отвечать. Потом провёл переключку и продолжил урок. Класс слушал как заворожённый. Даже Джейкоб перестал дремать за партой.

Но Джудит не слушала. Она чувствовала, как внутри её головы что-то зудит. Как комар, которого не можешь поймать. Что-то, связанное с этим лицом, с этим голосом, с коричневым костюмом. Что-то, что она знала и забыла.

После уроков Джудит поймала Тессу в коридоре.

– У меня нет тренировки, а репетиция только в шесть, – сказала Тесса. – Чем займёмся?

– Пойдём к Калебу? Но сначала заскочим ко мне.

– Не пойдём, а поедем, – рядом очень вовремя оказался Хён, доставая из кармана ключи от машины.

Дом Эдвардсов стоял через три квартала. Отец Калеба впустил их и кивнул наверх:

– Он у себя, ноет, что ему скучно. Спасите меня от него.

Калев лежал на кровати, загипсованная нога покоилась на горке подушек. Увидев друзей, а точнее, контейнер с вафлями, который миссис Бёрнс попросила Джудит передать ему, он расцвёл. Этот широкоплечий смуглый крепыш с тёмными кудрявыми волосами и обезоруживающей улыбкой напоминал медвежонка, которому принесли горшочек мёда.

– М-м-м, как же я люблю твою бабулю! Обязательно расцелуй её за меня, – простонал он, вырывая контейнер из рук Джудит. – Я тут умираю, между прочим.

– Зато аппетит твой явно не пострадал, – фыркнула Тесса, заваливаясь в кресло.

Кaleb, откинувшись на подушки и уминая вафли с черничным джемом, выслушал рассказ Джудит о новом преподавателе. Говорила в основном она, Хён изредка вставлял комментарии, а Тесса кивала.

Также она рассказала друзьям об участии в спектакле. Кaleb перестал жевать и изумлённо уставился на неё, а Тесса присвистнула. Позже Хён предложил распечатать несколько экземпляров сценария у себя дома и порепетировать вместе.

Джудит вдруг погрузилась. Она сидела на изножье кровати, перебирая пальцами край одеяла, и не смотрела ни на кого.

– Знаете, я тут думаю иногда... почему вы трое дружите со мной?

– Господи, внезапное душеизлияние, – Хёнджун, который сидел на полу, облокотившись на пуф, театрально закатил глаза. – Иногда лучше не думать.

Джудит потянулась к нему и вздохнула его идеально уложенную чёлку.

– Это звучало бы издевательски, если бы я не знала тебя четыре года.

Кaleb задумался, вытерев тыльной стороной ладони джем с подбородка.

– Буэ, – скривилась Тесса. – Свинья.

– Ну, ты хорошая, – сказал Кaleb, полностью проигнорировав подругу. – У тебя доброе сердце, как бы банально это ни звучало.

– Ага, только окружающих мало волнует, какое у меня сердце, – Джудит криво усмехнулась.

– Мы и есть твои окружающие, – сказала Тесса. – А на остальных забей, они просто придурки, сама знаешь.

– И вообще, – добавил Хён, – прекращай такие разговоры, а то у меня сейчас тоже разовьётся комплекс страдалыца.

– Дайте-ка мне мой мобильник, – Кaleb кивнул в сторону стола. – Скажу Джейкобу пару ласковых.

– Ещё чего! Даже не думай! – Джудит широко распахнула глаза. – Тогда мне вообще конец. Лучше расскажи, как твоё здоровье.

Кaleb поставил тарелку на тумбочку и вздохнул с трагическим видом.

– Доктор говорит, мне осталось не больше двух недель.

– Чего? У тебя всего лишь нога сломана! – Тесса расхохоталась.

– Ну, так я и говорю, осталось две недели в гипсе лежать. Скоро должны снять. – Он ухмыльнулся. – Слушай, я догадываюсь, что Паркер с компанией разошлись в отсутствие моих крепких кулаков (про историю с фотографией Джудит и Хён решили умолчать, тем более что Ханна действительно её удалила), но не обращай на них внимания пока. От нашего пианиста толку мало, он руки бережёт.

Хёнджун возмущённо уставился на него.

– Мистер Сарказм, кажется, в шоке, – хихикнула Тесса.

– И вообще, – продолжил Кaleb, – не понимаю, чего они к тебе цепляются? Ты очень даже симпатичная девушка. Вот сняла бы ещё очки, и я бы влюбился.

– Извини, но ты не в моём вкусе, – Джудит показала ему язык.

– А кто в твоём вкусе? М-м-мистер Дарквуд?

Джудит подняла с пола костыль и шутливо замахнулась.

– Видел бы ты этого пижона, – хмыкнул Хён.

– Так ты же у нас самый главный пижон. Почувствовал конкуренцию?

– Сколько раз за сегодня я слышал нечто подобное. Заткнись, пожалуйста, будь добр.

– Можете смеяться сколько угодно, – сказала Джудит, – но этот учитель действительно очень странный. Он всё время как-то пугающе смотрит на меня...

– А мне кажется, ты просто выдаёшь желаемое за действительное, – Кaleb заржал. – «Смотрит на неё, всё время, ага-а-а!» И имя у него странное, и сам он странный, и про Дракулу много знает. Наверное, он вампир! Хочешь замутить с вампиром, Джудит?

Тесса прыснула и тут же зажала рот рукой.

– Прости, но я тоже не вижу в нём ничего странного.

Джудит пропустила их колкости мимо ушей. Она задумалась, сама удивившись тому, что собиралась сказать.

– А у вас никогда не было такого чувства, будто вы что-то забыли? Буквально недавно. И эта мысль постоянно преследует вас, но вы никак не можете вспомнить?

– Да, – серьёзно кивнул Кaleb. – Вот прямо сейчас меня преследует мысль о той последней вафельке на тарелке. Подай, пожалуйста.

Эта неделя прошла на удивление гладко. Никто не пытался задирать Джудит. Даже Гаррет и Джейкоб за эти дни не сказали ей ни одного обидного слова. Поначалу девушка очень боялась, что из-за участия в пьесе над ней станут смеяться больше прежнего, но эффект оказался обратным. На неё начали смотреть с уважением, некоторые ребята даже подходили к Джудит на перемене, чтобы перекинуться парой слов о предстоящем спектакле. Девушка, наконец-то, почувствовала себя полноправным членом общества, за что была несказанно благодарна миссис Девоншир. Встречаться с друзьями вне школы времени у неё теперь не было. После занятий она шла домой, обедала, делала часть уроков, потом возвращалась в школу на двухчасовую репетицию. После репетиции доделывала уроки, а затем допоздна зубрила свою роль, пока глаза не начинали слипаться, а буквы превращаться в мутные пятна. Несмотря на непривычную загруженность, девушке очень нравилось готовиться к спектаклю, она легко запоминала свои реплики и не могла дождаться, когда им сошьют костюмы.

Скотт, слава богу, перестал шарахаться от неё и смотреть так, будто его заставляют проглотить лягушку. Они уже несколько раз отрепетировали сцену с поцелуем, фальшивым, конечно, как показывала Девоншир, и Скотт вёл себя расслабленно, шутил, даже посмеивался над собой и Джудит. Но шутки его были совсем не обидными. Наедине, без толпы, без необходимости поддерживать репутацию, он оказался совсем другим человеком.

Хартли так и не вернулась. Мистер Дарквуд вёл историю. Он больше не сверлил Джудит своим странным взглядом и выглядел совершенно обычным, разве что слишком молодым и слишком красивым для школьного учителя. Джудит решила, что друзья были правы: у неё просто разыгралось воображение. Никакой загадки нет. Просто новый учитель, который случайно услышал её имя от кого-то из ребят.

Впрочем, не все ученики относились к мистеру Дарквуду спокойно. Весь класс был им заворожён, ребята слушали его уроки так внимательно, как никогда не слушали Хартли. Все стали спокойнее, собраннее, словно само присутствие Дарквуда в классе приглушало шум и хаос.

Все, кроме Ханны Флетчер.

Ханна, напротив, активизировалась с удвоенной энергией. Она поставила перед собой цель, которую не скрывала ни от кого: завоевать красавца-учителя. Юбки стали короче. Макияж ярче. Откуда-то внезапно возник интерес к истории. Она искала любой повод остаться после урока, задавала вопросы, на которые сама знала ответы, и смотрела на Дарквуда так, что окружающим становилось неловко.

Мистер Дарквуд не замечал её. Абсолютно. Тотально. Как будто Ханна Флетчер была частью интерьера, шкафом, подставкой для ручек или трещиной в стене. Взгляд его скользил по ней, не задерживаясь ни на секунду. Когда она подходила к его столу после урока, он вежливо кивал и продолжал собирать бумаги. Когда она задавала вопрос, он отвечал коротко и сухо, обращаясь к доске, а не к ней.

Джудит, наблюдавшая за этим со своей парты, давилась от хохота. Это было жестоко, это было немного мерзко, и это было самым забавным зрелищем, которое она видела в школе за все годы. Ханна Флетчер, королева школы, девушка, от одного взгляда которой мальчики теряли дар речи, оказалась для мистера Дарквуда предметом мебели.

Впервые в жизни Джудит почти сочувствовала Ханне.

Почти.

В субботу после обеда Джудит и Тесса пришли к Хёнджуну.

Дом Паков стоял на Кедровом холме, самой тихой и дорогой улице Вайтфилда, где дома прятались за живыми изгородями и коваными воротами. Внутри пахло чем-то пряным, мать Хёна, видимо, готовила на кухне. Просторная гостиная с высокими потолками, пианино в углу и огромными окнами, за которыми желтели клёны, казалась идеальным местом для репетиции.

Хён, как и обещал, распечатал несколько экземпляров сценария. Они расселись – Джудит на диване, Хён в кресле, Тесса на полу, скрестив ноги, – и начали читать.

Но вскоре к ним присоединился Иджон.

Младшему брату Хёна было девять. Он был маленькой, энергичной копией старшего: такая же причёска, то же умное лицо и пухлые губы – только всё это в уменьшенном формате и с уровнем энергии, который заставлял мебель дрожать. Иджон объявил, что будет Себастьяном, и тут же вцепился в один из экземпляров сценария с таким видом, как будто получил секретное задание.

Проблема была в том, что Иджон был безнадежно, катастрофически, неизлечимо влюблён в Тессу. Ему было девять, ей шестнадцать, и эта пропасть не смущала его ни на йоту. Каждый раз, когда по сценарию Себастьян должен был обращаться к Оливии, Иджон разворачивался к Тессе, делал трагическое лицо и декламировал свои реплики с таким пылом, что Шекспир перевернулся бы в гробу от ужаса или от зависти.

А когда дошло до сцены поцелуя, Иджон бросил сценарий на пол, схватил Тессу за руку и попытался чмокнуть её в щёку.

– Иджон! – рявкнул Хён.

– Это по сценарию! – возмутился мальчик.

Тесса, красная от смеха, отбивалась подушкой. Джудит лежала на диване и хохотала так, что у неё свело живот. Лицо Хёна выражало полную убежденность в том, что генофонд подвёл его самым позорным образом.

Репетиция принесла больше смеха, чем пользы. Но Джудит было всё равно. Впервые за долгое время она чувствовала себя абсолютно и безоговорочно счастливой. Не «почти счастливой» и не «вроде бы всё нормально», а по-настоящему. Так, что хотелось запомнить этот день целиком: солнечные пятна на паркете, голос Иджона, изображающего Себастьяна с интонацией мексиканского актёра, и Тессу, которая отмахивалась от девятилетнего поклонника подушкой с вышитыми журавлями.

В воскресенье вышел ремейк любимого фильма Хёна, и как раз в этот день в «Наутилусе» была рабочая смена Тессы. Они с Хёном заехали в «Лис и лотос», взяли суши с топпингами и привезли Тессе, которая успела проголодаться и встретила их с выражением лица спасённого утопленника.

Они сидели на диванчиках в фойе кинотеатра. Тесса жевала роллы с такой скоростью, что рисинки летели во все стороны, Хён брезгливо отодвигался, а Джудит макала топпинги в соус и думала о том, что жизнь, в общем-то, неплохая штука. Иногда.

– Я вот совсем не поддаюсь чарам этого Дарквуда, – сказала Тесса, закинув в рот очередной ролл. – Не понимаю, чего все девчонки по нему с ума сходят.

– Спроси об этом Джудит, – хмыкнул Хён. – Она всегда сама не своя, когда его видит.

– Эм-м, – Джудит заёрзала на диванчике. – Нет ничего такого, тебе показалось. Это Флетчер твоя с него глаз не сводит. Обидно, наверное?

– Неуместная шутка. Я только рад, что она от меня, в конце концов, отлипла. Доедайте быстрее, – Хён потянулся и посмотрел на часы. – Кино скоро начнётся.

– Точно, мне тоже пора, – Тесса вскочила, увидев подошедших к кассе посетителей. – Спасибо, с вами хорошо, но работа зовёт.

Вечерний воздух Блуминг-лейн пах мокрыми листьями и свежестью. Дождь начался, пока они были в кино, и теперь мелко постукивал по почтовому ящику и козырьку крыльца. Джудит шмыгнула в дом, скинула промокшие кроссовки и прошла на кухню.

– Я дома.

Миссис Бёрнс сидела за столом в своём любимом вязаном жилете. Перед ней стояла кружка с остывшим чаем и лежала раскрытая тетрадь с рецептами, но бабушка не читала. Она смотрела в окно, где дождь превращал мир в размытую акварель. Пальцами она медленно и бездумно перебирала край скатерти.

– Хорошо провела время с друзьями, милая? – спросила она, будто очнувшись. Голос звучал как обычно, мягко и тепло, но в глазах стояло что-то, чего Джудит не могла опознать. Не грусть, а тень грусти. Как будто предчувствие чего-то нехорошего.

– Нормально, – Джудит села напротив и обхватила ладонями бабушкину кружку, забирая у неё последнее тепло. – Перекусили, посмотрели кино, поспорили о школьных делах.

Бабушка улыбнулась уголком губ.

– Тебе всё идёт. Даже спорить.

Лампочка под плафоном на долю секунды, едва заметно, мигнула и снова загорелась ровным жёлтым светом. Из бабушкиной комнаты, расположенной через коридор напротив кухни, тянуло прохладой, как будто окно было приоткрыто. Кружевная салфетка, наброшенная на овальное зеркало в коридоре, чуть шевельнулась, то ли от воздуха, то ли от чего-то другого.

– Закрывать? – спросила Джудит, кивнув в сторону двери.

– Нет, нет. Я сама... потом, – сказала миссис Бёрнс слишком быстро. Она на секунду перевела взгляд на зеркало, быстро и остро, как будто проверяла, на месте ли что-то, и снова посмотрела на внучку. Руки её аккуратно легли на стол, пальцы переплелись.

– Послушай, Джудит. Я тут долго думала. И вот что. Я хочу кое-что тебе дать.

– Что? – Джудит даже не сразу поняла, к чему это. Обычно «дать» в бабушкином лексиконе означало тёплые носки, банку джема или карманные деньги.

Миссис Бёрнс поднялась и ушла в свою комнату. Джудит слышала, как скрипнул старый комод, тот, дубовый, с резными ручками, который стоял у стены столько, сколько Джудит себя помнила. Тихо чиркнул ключ. Бабушкина тень мелькнула мимо зеркала и задержалась у него на секунду дольше, чем нужно, как будто она посмотрела в него и увидела там что-то, чего в зеркале быть не должно. Салфетка на зеркале колыхнулась снова.

Когда бабушка вернулась, в руках у неё была узкая деревянная шкатулка. Старая, с давно выцветшей росписью в виде пионов. Дерево потемнело от времени, а один угол был сколот и заклеен чем-то похожим на смолу.

– Здесь хранится одна семейная вещица, – сказала миссис Бёрнс, сев и поставив шкатулку между ними. Она закусила губу и коротко усмехнулась, как будто посмеялась над собственной серьёзностью. – Ничего мистического, не волнуйся. Хотя... кто знает.

– Бабуль, ты меня пугаешь.

– Я и сама немного волнуюсь, – честно призналась она и откинула крышку.

Внутри, на выцветшей тканевой подкладке, лежала подвеска на чёрном кожаном шнурке. Она была сделана из какого-то тёмного металла, не серебра, не железа, чего-то более тяжёлого и более древнего, и по форме напоминала звериный клык. По его краям шли тонкие, едва различимые насечки.

– Интересная безделушка, – Джудит осторожно взяла клык в руки. Он был тяжелее, чем казался, и от него исходило слабое, едва ощутимое тепло, как будто он хранил остатки чьего-то прикосновения. – Откуда она?

– Она принадлежала твоему деду. Он говорил, что нашёл её в кукурузном поле, когда был мальчишкой. И он верил, что эта вещица защищает от злых сил. – Бабушка помолчала. – Перед смертью он отдал её мне.

– Это талисман?

– Можешь считать так. Талисман. Амулет. – Миссис Бёрнс посмотрела на внучку, и глаза её, обычно тёплые и мягкие, с морщинками-лучиками, стали серьёзными. Старыми. Такими, какими Джудит их никогда не видела. – Если чего-то испугаешься, прижми его к груди. Или если... – она сглотнула, – если вдруг рядом станет очень холодно. Носи его под одеждой. Он не для чужих глаз. И не снимай без необходимости.

– Почему ты решила отдать его мне именно сейчас?

Бабушка молчала несколько секунд. За окном дождь усилился, капли застучали по карнизу, как мелкие барабаны.

– Сама не знаю. Мне весь день беспокойно. Возможно, из-за погоды. В старости можно позволить себе волноваться из-за мелочей. – Она встала, взяла амулет у Джудит и аккуратно завязала кожаный шнурок на её шее. Пальцы бабушки были тёплыми и чуть дрожали. – Вот. Сидит как надо. Носи на удачу. Перед спектаклем.

Клык лёг на грудь Джудит. Он был немного тяжёлый, тёплый и странно уместный, как будто всегда был здесь.

– Бабуль, – Джудит легонько толкнула её плечом. – Ты мне его даришь «на удачу» или потому что в нашем доме происходит что-то странное? Я видела, как у тебя салфетка шевельнулась на зеркале. Сквозняк?

– Сквозняк, – ответила миссис Бёрнс. Она посмотрела в сторону своей комнаты, и на секунду взгляд её стал глубже и тяжелее обычного. Как будто она видела что-то, о чём не хотела говорить. Потом крепко, до побелевших костяшек, сжала ладонь внучки. – Ты у меня смелая. Просто иногда забываешь об этом. Так пусть амулет напоминает.

– Только не говори, что собираешься плакать, – Джудит обеспокоенно взгляделась в лицо пожилой женщины. Подобного разговора у них не было никогда.

– Нет, – тихо ответила бабушка. – Я просто думала о том, как быстро ты выросла. И что я не всегда смогу быть рядом, как хотелось бы.

Они сидели молча. Часы на стене тикали. В духовке что-то потрескивало. За окном дождь бил по стеклу, и в одной из капель, крупной и округлой, на мгновение отразился тонкий лунный серп. Хотя луны сегодня не было видно из-за туч.

Джудит моргнула. Отражение исчезло.

– А давай-ка выпьем ещё чаю, – сказала миссис Бёрнс, отгоняя тревогу хлопком ладони по столу. – Я испекла печенье. С корицей.

– Хорошо, – улыбнулась Джудит.

Они пили чай, и бабуля, снова став прежней, рассказывала про миссис Кромсби, которая в очередной раз перепутала дни недели и пришла к парикмахеру в воскресенье.

В понедельник Ханна явилась на занятия на таких высоких каблуках, что было удивительно, как она ходит по лестницам, не ломая ноги. Вообще, было ощущение, что она приехала в школу не из дома, а прямиком из салона красоты. Казалось бы, дальше нагнать уже просто некуда, но девушка, всё-таки, превзошла себя, причём, в этот же день.

– Редж, как я выгляжу? – Ханна крутанулась на лестнице и спустилась вниз, эффектно переступая ногами в чёрных лакированных босоножках на четырёхдюймовом каблуке. Она остановилась на нижней ступеньке, положив одну руку на перила, а другую на талию. На ней была короткая чёрная юбка, плотно обтягивающая бёдра, и белая блузка с коротким рука-

вом и глубоким вырезом. Шею обтекала золотая цепочка с её любимым кулоном, главное предназначение которого было притягивать внимание к красивой, подтянутой груди. Левое запястье украшал браслет из бирюзы и гавайского золотого коралла, а на плече висела элегантная сумочка кросс-боди. Светлые волосы, уложенные лёгкими волнами, свободно обрамляли лицо.

Реджина Флетчер, вечно молодящаяся сорокалетняя брюнетка, помешанная на диетах, фитнесе и своих идеальных зубах, несколько минут назад закончила утреннюю тренировку на гребном тренажёре и сейчас возилась на кухне, делая себе завтрак, состоящий из одного коктейля. Она бросила в блендер банан со шпинатом и сельдереем, залив их молоком.

В юности она была известной фотомodelью, но быстро завязала с карьерой, выйдя замуж за владельца модельного агентства, который был на двадцать шесть лет старше неё. Когда Ханне исполнилось одиннадцать, мистер Флетчер ушёл в мир иной, оставив сыну от первого брака агентство, а Реджине дом и немалую сумму денег. В то же время бывшая модель завела блог под названием «Подружки» и стала зарабатывать в нём на рекламе магазинов одежды.

– Я бы сказала: ярко, вызывающе, но восхитительно. Как раз для утреннего поста на моей страничке. – Она бросила на дочь профессиональный взгляд, взяла телефон и сделала фото. – Только хочу уточнить, ты точно собралась в школу, а не на тематическую вечеринку в роли секретарши, соблазняющей своего босса? Если, всё-таки, в школу, думаю, Джейкоб будет в восторге. Или ты так нарядилась для Хёнджуна?

– Да пошёл он, этот Хёнджун. И при чём тут Джейкоб вообще? – Ханна села за стол и с усмешкой взяла с тарелки яблоко, – но ты почти угадала. У меня теперь новая цель.

Реджина жестом указательного пальца с длинным бордовым ногтем попросила подождать и включила блендер. Когда ингредиенты перемешались, она вылила в стакан бледно-зелёную смесь и протянула напиток Ханне.

– Фу, – девушка с отвращением поморщилась, – для тебя это, может, и обычное дело, но лично я не хочу провести весь день в туалете.

Женщина пожала плечами и поднесла стакан ко рту. Сделав глоток, она облизала губы.

– Зря ты так. Довольно вкусно. Ну, а теперь можешь рассказать мне, какую крепость ты решила взять на этот раз.

– А вот этого, мамулечка, – доев яблоко, с издёвкой произнесла Ханна и встала из-за стола (миссис Флетчер предпочитала, чтобы все без исключений звали её только по имени), – я не расскажу тебе, пока эту крепость не возьму. Поехали. Надеюсь, у тебя не вспучит живот в дороге.

Они вышли из дома и сели в «Шевроле Камаро», стоявший на подъездной дорожке, решив, что сегодня за рулём будет Реджина.

Когда машина остановилась у школы, Ханна впиалась взглядом в школьный двор. Ученики толклись у входа, болтали, жевали снеки, тыкали в телефоны. Ханна не смотрела на них. Она смотрела сквозь стеклянные двери главного входа, в коридор, где среди учителей мелькнула фигура молодого мужчины. Встрёпанные, как у воробья, русые волосы, чёрные брюки, синяя рубашка в узкую полоску. Даже через стекло и расстояние она узнала его мгновенно.

Ханна рванула дверцу, но Реджина поймала её, положив голову ей на плечо и вытянув вперёд руку со смартфоном.

– Ну-ка, улыбнись и скажи «подру-у-ужки!»

– Боже. Ладно.

Ханна растянула губы в широкой, фирменной и отработанной до совершенства улыбке. Реджина щёлкнула. Ханна вырвалась из машины и бросилась к школе.

«Надо успеть поговорить с ним до начала уроков, – стучало в голове. – Не важно, о чём. Я найду тему. Хоть пару слов. Главное, чтобы он взглянул на меня, пока его мысли ещё не забиты учебным процессом».

Она не успела.

– А ну, стой!

Чья-то рука схватила её за запястье так резко, что Ханна, не ожидавшая подвоха, споткнулась на своих каблуках и чуть не полетела на асфальт.

Скотт Янг стоял перед ней, ухмыляясь. Рядом Джейкоб жевал жвачку. Паркер присвистнул, откровенно оглядев её с ног до головы.

– Чёрт! – Ханна ударила Скотта сумкой и яростно топнула ногой. – Ты всё мне испортил, придурок!

Улыбка сползла с лица Скотта. Он выпустил её руку.

– Чего я испортил-то?

– Да ничего уже, – прошипела Ханна, злобно зыркнув на него. Адриана и след простыл, коридор за стеклянными дверями был пуст.

Когда все уроки закончились, Ханна вошла в пустой кабинет истории.

Мистер Дарквуд стоял у стола, перебирая какие-то бумаги. Услышав шаги, он поднял голову.

– Вы что-то хотели?

– Возможно, вы не помните меня, – Ханна остановилась у двери, закрыв её за собой. – Я Ханна Флетчер.

– Да как уж тут не помнить, – Дарквуд улыбнулся. Его оценивающий спокойный взгляд скользнул по ней сверху вниз. Точно так, как это сделал утром Джейкоб. Только у Джейкоба это выглядело пошло, а у Дарквуда – изучающе. – Так всё же? Я слушаю.

Он опёрся ладонью о стол и с интересом смотрел на неё. Ханна откинула волнистую прядь, упавшую на глаза, и направилась к нему уверенной, отрепетированной перед зеркалом, походкой.

– Я думаю, у меня очень плохо с историей. Кажется, мне нужны дополнительные занятия.

– Серьёзно? А мне кажется, вы достигли значительных успехов на моих уроках.

Он не отошёл, когда она приблизилась. Не отступил. Позволил ей подойти почти вплотную, настолько близко, что Ханна чувствовала запах его одеколона: что-то горьковатое, древесное, незнакомое.

– И всё же, – она понизила голос, – я уверена, что меня надо немного подтянуть.

Её лицо потянулось к его лицу. Губы приоткрылись.

В последнюю секунду Дарквуд мягко, но решительно отстранил её руками и отошёл к окну. Движение было таким быстрым и ловким, что Ханна моргнуть не успела.

– Что-то здесь жарко стало, – сказал он, цокнув языком, и приподнял оконную створку. Прохладный воздух хлынул в кабинет. – Что с вами, мисс Флетчер? Вы как будто не в себе.

Ханна стояла посреди кабинета, и выражение её лица за долю секунды прошло путь от томности до оскорблённого недоумения. Почему? Почему он отстранился? Она красивая. Она очевидно красивая. Она целый час собиралась утром. Она надела всё лучшее. Она сама подошла и проявила инициативу. И он, молодой, явно неженатый мужчина, оттолкнул её.

Обида обожгла, как кипяток.

Ханна взяла со стола красный маркер, повертела его в пальцах и положила обратно.

– Просто вы свели меня с ума с первого взгляда, – сказала она ровным голосом. Контролировать эмоции её научила Реджина. – И теперь вы об этом знаете. Ну, я пойду.

Она откинула волосы назад и развернулась к двери.

– Что ж, – сказал Дарквуд ей в спину. Голос его изменился. Стал мягче и теплее. – Выходит, я в ответе за вас. И, чтобы не разбить ваше юное трепетное сердце, я обязан пригласить вас на чашку кофе.

Ханна замерла. Медленно обернулась. На её лице расцветала победная, торжествующая, ослепительная улыбка.

В шесть вечера чёрный «Додж» подъехал к дому Флетчеров и коротко просигналил. Через несколько секунд Ханна выскочила на крыльцо. На ней было бирюзовое платье, и вид у неё был такой воодушевлённый, какого Джудит не наблюдала у Ханны ни разу.

Адриан стоял у машины, предварительно открыв пассажирскую дверь.

– Вау, какая! – восхитилась Ханна, оглядывая массивный хромированный бампер. – У неё такой агрессивный вид, круто. Почему вы не приезжаете на ней в школу?

Дарквуд пожал плечами и подтолкнул её к сиденью.

– Чтобы не привлекать лишнего внимания учеников. Мне его и так достаточно.

Они приехали в центр и зашли в кофейню «Чикко», расположенную на углу Дженсон-стрит. Это было маленькое уютное заведение с кирпичными стенами и запахом свежемолотого кофе. Пара заказала два американо, пирожные и салат.

Следующий час Ханна говорила. Без пауз и малейшего подозрения, что её собеседник может быть не в восторге от подробного описания её планов на жизнь, её отношений с матерью, её мнения о школьной моде, её любимых брендов, её аккаунта в соцсетях и её будущей карьеры актрисы. Она говорила о себе с той увлечённостью, с какой астроном говорит о звёздах. Только звезда была одна, и эта звезда была она сама.

Дарквуд слушал. Вернее, не слушал. Лицо его сохраняло выражение вежливого внимания, но за его глазами, за этими карими непроницаемыми глазами, Ханна, будь она чуть наблюдательнее, увидела бы нечто, сильно похожее на зубную боль.

Он пожалел о своём решении ещё по дороге сюда. И что за импульс заставил его позвать эту пустоголовую девицу? Он, существовавший дольше, чем эта кофейня, эта улица и этот город вместе взятые, сидел напротив семнадцатилетней девочки, которая рассказывала ему о кулоне с гранатом и новой коллекции босоножек. Видимо, виной всему человеческая природа. Людское нутро, которое дома никогда не причиняло неудобств, здесь иногда подбрасывало ему сюрпризы.

Когда Ханна, наконец, исчерпала тему собственной персоны, она переключилась на него, засыпав вопросами о личной жизни, о прошлом и о семье. Дарквуд отвечал односложно и уклончиво, и терпение его истончалось с каждой минутой.

– Ты говорила, что хочешь стать актрисой, – сказал он, перебив очередной вопрос. – Расскажи мне об этом подробнее. Я даже буду конспектировать. Может, мне удастся исполнить твоё желание.

Он достал из кармана пиджака потрёпанную книжонку и положил её на стол. Коснулся пальцем руны на обложке – козлиного черепа, вытесненного в потемневшем золоте.

Лицо Ханны изменилось. Вся кокетливость, вся эта игра, которую она вела, внезапно испарились. Глаза девушки остекленели. Губы её расслабились. Она смотрела на книгу, точнее сквозь книгу, куда-то в пространство, которое открылось перед ней, и на её лице проступило блаженство. Тупое, абсолютное блаженство лунатика, которому показали то, что он хотел увидеть больше всего на свете.

– А теперь пойдём, – сказал Дарквуд.

Джудит в этот вечер даже не собиралась выходить из дома.

Она вернулась из школы, сделала уроки, поболтала по телефону с Калемом, тот ныл, что ему скучно и что гипс чешется, и устроилась на диване перед телевизором, решив дать себе выходной от зубрёжки роли. Шло какое-то вечернее шоу. Ведущий шутил с гостями, публика хохотала. Нормальный, тихий, ленивый вечер.

И тут бабуле приспичило испечь яблочный пирог.

– Милая, а яблок-то у нас и нет, – сказала миссис Бёрнс, заглянув в холодильник. – Будь добра, сгоняй в супермаркет. Возьми сумку, которая на крючке у двери.

Джудит с тоской посмотрела на диван, на телевизор, на своё уютное вмятое место в подушках. Потом вздохнула, натянула кроссовки, взяла сумку и вытащила из гаража велосипед.

Супермаркет был в нескольких кварталах. Она крутила педали по Блуминг-лейн, потом свернула на Дженсон-стрит, и...

Велосипед вильнул. Джудит едва не свалилась, вцепившись в руль.

Потому что из кофейни «Чикко» выходил мистер Дарквуд. И держал под руку Ханну Флетчер.

Глава 3

Джудит затормозила у фонарного столба и уставилась на них, забыв, как дышать. Ханна шла рядом с ним, и на её лице было то самое блаженное отсутствующее выражение, не влюблённость, а что-то другое. Что-то неправильное. Как у загипнотизированного человека.

«Значит, эта кукла всё-таки добилась своего», – подумала Джудит, и в груди вспыхнуло что-то острое. Не просто удивление. Обида. Укол разочарования, которому она не могла подобрать объяснения. С чего бы ей обижаться? Дарквуд ей никто. Ей вообще на него плевать. И всё же...

Но потом она заметила нечто странное. Они не сели ни в одну из припаркованных машин. Не пошли дальше по улице. Они свернули за угол здания. В переулок.

Джудит знала, что нужно просто забыть про это и ехать дальше, в супермаркет. Разум говорил ей это громко и отчётливо. Но ноги уже сами спрыгнули с педалей. Она прислонила велосипед к стене антикварной лавки «Гавань реликвий» и пошла за ними.

Девушка заглянула за угол.

Переулок был узким и грязным, заваленным мусорными баками и картонными коробками. Тупик. И в тупике, спиной к ней, стоял Дарквуд. А перед ним Ханна. Она широко улыбалась, бессмысленно и блаженно. Той же улыбкой, которую Джудит видела на лице миссис Хартли в подсобке. В руках Дарквуда была книга. И Ханна, красивая, злая, невыносимая Ханна Флетчер, медленно и неотвратно, как дым, втягиваемый вентиляцией, растворялась в воздухе. Секунда. Ещё секунда. Ханна исчезла.

У Джудит подкосились ноги. Она схватилась за стену, чтобы не упасть. Кирпич под её пальцами был шершавым и холодным.

Адриан Дарквуд развернулся.

Его глаза вспыхнули, и совсем не метафорически. Буквально вспыхнули, как будто внутри его зрачков зажглись два ледяных огня. И в ту же секунду, как плотина, прорванная ударом, как дверь, распахнутая пинком, в голову Джудит хлынуло всё.

Книга на полу школьного коридора. Буквы, ползущие по странице. Мёртвый город. Гигантская луна. Монстр с четырьмя руками и ртом, полным игл. Ледяные глаза. Подсобка. Хартли с блаженным лицом. Исчезновение. И прикосновение ледяных пальцев ко лбу.

Всё вернулось. Вся стёртая память, все украденные воспоминания обрушились на неё разом, и Джудит стояла в переулке и задыхалась, и мир вокруг неё кренился, и фонари расплывались.

– Да что с тобой не так, Джудит Миллер? – тихо произнёс Дарквуд.

– Вы... – она попятилась. – Вы не обычный учитель. Я знала... я знала это с самого начала. Я чувствовала.

Он двинулся к ней. Медленно. Не торопясь.

– Ну ладно тебе, брось, – голос его стал вкрадчивым, почти ласковым. – Вы же всё равно не ладили. Эта Флетчер доставала тебя. Видишь, как удачно сложились обстоятельства? Ты должна радоваться и благодарить меня.

– Вы монстр, – выдохнула Джудит.

– Какой же я монстр? – Дарквуд самодовольно ухмыльнулся и развёл руками. – Посмотри на меня. Я красив и умён. Обладаю и другими талантами.

Джудит развернулась и бросилась бежать. Но он каким-то невозможным, нечеловеческим образом оказался перед ней. Просто возник из воздуха, загородив выход из переулка, как стена.

– Я же сказал, – улыбка его стала шире, – что обладаю и другими талантами. И ты, видимо, тоже. Почему моя магия не действует на тебя так, как на всех остальных?

Язык Джудит прилип к нёбу. Она хотела крикнуть, позвать на помощь, но горло свело, и из него не вырвалось ни звука. Тело парализовало, но не от его магии, а от чистого, животного, первобытного ужаса.

Дарквуд схватил её за плечи и с силой встряхнул. Его пальцы были ледяными, как и в прошлый раз.

– Отвечай!

Что-то щёлкнуло внутри Джудит, как переключатель, и паралич отпустил. Она резко оттолкнула его обеими руками, неожиданно сильно для своего размера, и рванула к Дженсон-стрит.

На этот раз он не последовал за ней. Он стоял в переулке и задумчиво смотрел ей вслед, засунув руки в карманы.

– Беги-беги, лапушок, – пробормотал он. – Всё равно я разгадаю эту загадку.

Город тонул в предзакатном зареве, багровом и густом, как варенье, разлитое по небу. Джудит изо всех сил крутила педали, несясь по Дженсон-стрит прямо посередине проезжей части. Машины сигналили, водители орали, кто-то высунулся из окна и покрутил пальцем у виска. Ей было всё равно. Ей было настолько всё равно, что она не замечала ни машин, ни светофоров, ни поворотов. Удивительно, как она не угодила под колёса.

Она затормозила у «Наутилуса» так резко, что заднее колесо пошло юзом. Бросила велосипед на тротуар и ворвалась внутрь.

Тесса стояла за кассой и с профессиональной улыбкой ждала, пока семейная пара определится с местами в кинозале. Увидев Джудит, красную, задыхающуюся, с безумными глазами, Тесса перестала улыбаться.

– Быстро, собирайся к Калебу, – выпалила Джудит, навалившись на прилавок. – Мне нужно рассказать кое-что очень важное. Я пока наберу Хёну!

Тесса извиняюще снова улыбнулась семейной паре и перевела взгляд на подругу.

– Хм, Джудит, моя смена закончится только через два часа. Может, пока кино посмотришь? Сейчас комедия про Эдди Маффина начнётся.

– Ну, какое кино?! – Джудит возмущённо взмахнула руками и начала ходить туда-сюда вдоль прилавка, прижав телефон к уху.

Хёнджун ответил не сразу. Голос у него был сонным.

– Чего это ты обо мне вспомнила?

– Хён, приезжай к десяти вечера в «Наутилус». Мы с Тессой будем тебя ждать.

– Джудит, мы собираемся ужинать, а потом мне надо помочь брату с домашним заданием.

– Нет! Мне нужно кое-что рассказать вам. Это очень важно. Только когда встретимся все вместе. Позвони Калебу, скажи, что через пару часов мы будем у него.

Несколько секунд молчания.

– Джуд, я тебя не узнаю. Ты как-то много говоришь. И откуда этот командирский тон?

Джудит выдохнула и, наконец, села на диван в фойе.

– Всё очень серьёзно. Просто сделай, как я прошу.

– Ладно. Считаю, тебе удалось выдернуть меня из гнезда. Но это только потому, что я в замешательстве от твоего поведения. За едой заехать?

– Нет. Хотя, – Джудит со стыдом вспомнила о бабушке и несостоявшихся яблоках, – привези, пожалуйста, яблоки.

– Яблоки?

– Угу, моя поездка в супермаркет сорвалась.

Отключившись, она тут же набрала бабулю и, чувствуя укол совести, соврала, что Тессе срочно понадобилась её помощь. Бабушка не стала спрашивать, только сказала «будь осторожна» тем самым тоном, от которого Джудит каждый раз хотелось расплакаться.

Два часа до конца смены подруги нужно было чем-то заполнить. Посидев ещё немного в фойе, Джудит решила всё-таки скоротать время за просмотром фильма. Тесса вручила ей огромную корзину попкорна и отправила в кинозал. Впрочем, ни воздушной кукурузой, ни фильмом насладиться не получилось. Эдди Маффина, чернокожего курьера, который постоянно влипал в неприятные ситуации, всё время перекрывали образы растворяющихся в воздухе Хартли и Ханны.

К моменту, когда Тесса вылезла из униформы, Хёнджун уже ждал у входа.

– А вот и наш принц на белом коне, – Тесса подмигнула Джудит и открыла заднюю дверь «Хонды СиЭрВи».

Девушка хранила молчание всю дорогу до дома Калеба. Друзья пытались вытянуть из неё хоть каплю информации, но она упорно молчала, сидела, вцепившись в ремень безопасности, и смотрела в окно, а фонари проплывали мимо, как жёлтые глаза в темноте.

Машина остановилась у дома Эдвардсов. Ребята вышли на тротуар, освещённый тёплым светом уличных фонарей. Хёнджун взял девушек под руки и направился к крыльцу.

Они подошли к дому Эдвардсов. На крыльце горел фонарь, и тёплый жёлтый свет падал на аккуратно подстриженный газон.

– Свет везде горит, значит, ещё не спят, – заметил Хёнджун.

– Ну прекрати, – огрызнулась Джудит. – Второй раз уже заставляешь меня испытывать чувство вины за то, что выдержала тебя из кровати.

Это было ей совсем не свойственно, обычно она проглатывала шпильки Хёна, но сегодня нервы были натянуты до предела. Хён удивлённо приподнял брови, но промолчал.

В этот раз дверь открыла мать Калеба. Увидев Хёнджуна, она тут же расплылась в улыбке, потому что миссис Эдвардс, как и все мамочки в радиусе пяти миль, души не чаяла в этом вежливом корейском мальчике с модельной внешностью. Было видно, что она знала об их приходе, но всё же не удержалась от вопроса:

– Что за срочность такая, ребята? Почти ночь на дворе.

– Для большинства из нас это тоже является загадкой, миссис Эдвардс, – Хён пожал плечами.

Кaleb проводил этот вечер так же, как и все предыдущие с момента перелома, полулёжа на кровати с джойстиком в руках. По полу, натываясь на мебель, бродил робоценок, игрушка из глубокого детства, с которой Кaleb почему-то наотрез отказывался расставаться. Аккумулятор робота был на последнем издыхании.

– Ну, пожаловали, наконец, – Кaleb отложил джойстик и сел прямее. – Что стряслось-то?

Тесса тут же по-хозяйски завалилась на кровать рядом с ним. Хёнджун устроился в мягком кресле, Джудит в этот раз достался пуфик.

Она села, сжав колени ладонями. Очки соскользнули по вспотевшему носу; она сняла их, протёрла краем рубашки и водрузила на место. Все трое выжидательно смотрели на неё. Джудит открыла рот, но слова, которые она репетировала всю дорогу, вдруг показались ей невероятно глупыми. Как вообще начать такой разговор? «Привет, ребята, наш препод, это злой колдун из другого измерения»?

– Ну? – подбодрил её Кaleb. – Ты ведь хотела чем-то поделиться? Чем-то очень серьёзным.

Тесса театрально зевнула, закрыла глаза и картинно засопела. Хён, наоборот, смотрел на Джудит с мягкой, терпеливой полуулыбкой.

– Ну... – Джудит снова сняла очки и нервно завертела их в пальцах. – Я знаю, что вы не поверите. Но если я буду молчать, меня просто разорвёт. Или я окончательно свихнусь. Помните, я говорила, что мистер Дарквуд странный?

– О-о-о, нет! Опять она за своё! Боже, началось! – хором взвыли ребята.

Тесса схватила подушку и сделала вид, что душит себя ею. Хёнджун со страдальческим вздохом возвёл глаза к потолку.

– Ты для этого нас собрала? Серьёзно? – спросил он.

– Когда, как не ночью, вести девичьи беседы о тайных возлюбленных? – Кaleb многозначительно поиграл густыми бровями. Тесса прыснула в подушку.

– Да прекратите вы! Серьёзнее не бывает! – Джудит повысила голос, заставив их замолчать. – Сейчас я вам всё расскажу. С того самого дня, когда Флетчер сделала то дурацкое фото. Только умоляю: не перебивайте. И в конце... не смотрите на меня, как на сумасшедшую.

– Фото? Какое фото? – Кaleb удивлённо обвёл друзей взглядом, но никто ему не ответил. Собрав остатки смелости в кулак, Джудит заговорила.

Она рассказала всё. Про старую книгу со странной руной, найденную у шкафчиков. Про то, как буквы поползли по странице. Про мёртвый город с чёрным небом и раздутой луной. Про грязный дом и жуткого многорукого монстра с пастью вместо лица. Про ледяные шипы, вылетающие из ладони мистера Дарквуда. Про то, как миссис Хартли с улыбкой шагнула в страницы книги и исчезла. Про щенка с красным бантом. И про то, как сегодня вечером Ханна Флетчер растворилась в воздухе в грязном переулке.

Когда она закончила, в комнате повисла тишина. Абсолютная, звенящая. Нарушал её только звук умирающего робощенка, который уткнулся пластиковым лбом в ножку кровати и буксовал на месте: вж-жить-тунц... вж-жить-тунц...

Друзья смотрели на неё именно так, как она просила не смотреть. Как на сумасшедшую. Хёнджун медленно протянул руку и потрогал её лоб. Джудит раздражённо отмахнулась.

– Знала я, что вы не поверите, – сказала она, опуская плечи.

– Ты, конечно, извини, – Тесса свесилась с кровати, подняла щенка и щёлкнула тумблером на его животе. Жужжание прекратилось. – Но как мы ещё должны реагировать? Ты заявляешь, что наш новый историк это злой маг, который материализует собак и жрёт людей!

– Он их не жрал, вроде... – пробормотала Джудит. – Он их туда засасывал. В книгу. Слушайте, а ещё... мне иногда снится женщина. Очень красивая, с бледным лицом и длинными чёрными волосами. Она стоит у высокого окна с серебряными решётками...

– А у её ног сидит здоровенный чёрный волк, – вдруг севшим голосом закончил за неё Кaleb.

Джудит резко подняла голову. Кaleb смотрел на неё широко раскрытыми глазами. Лицо у смуглого парня приобрело странный пепельный оттенок.

– Мне тоже снилась эта женщина, – тихо сказал он. – Несколько раз.

– Что?! – у Тессы отвисла челюсть. Она переводила взгляд с одного на другого. – Ребята, вы реально начинаете меня пугать. Хён, скажи хоть ты что-нибудь! С тобой-то всё в порядке? Никакие волки по ночам не бродят?

Хёнджун сидел неподвижно, глядя куда-то сквозь стену. На его идеальном лице не было ни намёка на привычный скептицизм.

– Не то чтобы я тебе поверил на сто процентов, Джуд, – медленно произнёс он. – Но просто ради интереса... Ты случайно не помнишь, как выглядел тот символ на обложке?

Джудит закрыла глаза, вызывая в памяти кожаную шершавую книгу.

– Треугольник. И ромб. Всё вместе складывалось в фигуру, похожую на козлиную морду. Ещё это напоминало человечка с опущенными вниз руками.

Тесса застонала и уронила лицо в ладони.

– Да уж. Максимально точное криминалистическое описание.

Хёнджун уже достал телефон и быстро набирал что-то в поисковике. Экран осветил его лицо синеватым светом.

– Здесь только про Бафомета, – сказал он через минуту. – Андрогинное божество с головой козла. Знак дьявола, вписанный в перевёрнутую пентаграмму. Печать Бафомета.

– Прекрасно! У меня уже мурашки по коже! – Тесса вскочила с кровати, нервно потирая плечи. – Теперь Дарквуд сам дьявол? Заканчивайте! – Она посмотрела на Калеба. – Скажи мне, что ты не воспринимаешь этот бред всерьёз!

– Хм... нет, конечно, нет, – Калеб потёр шею, избегая её взгляда. – Но согласись, это странно. Разве бывает такое, чтобы разным людям снились абсолютно одинаковые сны до мельчайших деталей?

– Так, всё. С меня хватит, – Тесса подхватила свою куртку. – Я домой. Я устала, мне рано вставать, потом ещё тренировка. Не могу позволить себе забивать голову дешёвыми ужастиками.

Она направилась к двери, но на пороге обернулась и подошла к Джудит. Положила тёплую ладонь ей на плечо.

– Джуд. Я уверена, что твоя фантазия просто разыгралась на почве школьного стресса. Этот спектакль, травля Паркера, недосып... Думаю, тебе не помешает походить со мной в бассейн. Вода отлично прочищает голову. Только не обижайся, ладно? – Тесса крепко обняла подругу. – Я бы очень хотела тебя поддержать, но я просто физически не могу поверить в такую дичь.

Она вышла. В комнате снова стало тихо.

Хёнджун, всё это время не отрывавшийся от экрана, даже не заметил ухода Тессы. Он повернул телефон к Джудит. На дисплее светилась классическая пентаграмма с вписанной в неё головой козла.

– Так выглядело?

Джудит прищурилась и отрицательно покачала головой.

– Нет. Точно нет. Я помню треугольник и кривые палки-линии, торчащие из него. А ещё он как-то назвал эту книгу... но я не могу вспомнить как. Что-то на «Л»...

Хён со вздохом заблокировал телефон и сунул его в карман.

– Приснилось тебе это всё, Джуд, – мягко сказал он, поднимаясь с кресла. – Наверное, Тесса права, что твоё подсознание цепляется за сказки, чтобы сбежать от реальности. Пойдём. Нам тоже давно пора. Я отвезу тебя домой. Бывай, Кэл.

Калеб вяло махнул рукой, глубоко погружённый в свои мысли. Впервые за много лет их дружеские посиделки оставили после себя горький, тревожный осадок. Его не покидало ощущение, что надвигается нечто страшное. И что это страшное уже где-то совсем рядом.

Несколько минут спустя Хёнджун остановил машину у дома Джудит на Блуминг-лейн. Мотор тихо урчал в ночной тишине. Хён потянулся на заднее сиденье и протянул ей бумажный пакет.

– Яблоки, – он слегка улыбнулся. – И не забудь: завтра утром в школу.

– Ты издеваешься? Я решила вообще туда не идти. Я его боюсь.

– Не дури, Джуд. Тем более, завтра по расписанию нет истории. Выдыхай.

Джудит взяла пакет, буркнула слова благодарности и вышла в прохладную ночь.

Пока Джудит и её друзья обсуждали мистические теории в уютной спальне Калеба, в доме семьи Янг на Мэйпл-стрит назревала настоящая буря.

Скотт и его родители ужинали за большим дубовым столом, обсуждая мелкие бытовые дела. Беседа текла мирно, пока мистер Янг, вытирая губы салфеткой, не сообщил новость, которая ударила по Скотту, как кувалда.

Семья переезжает в Чикаго. В следующем месяце.

– Что?! – Скотт швырнул вилку так, что она звякнула о край тарелки, едва не разбив её. Сочный говяжий стейк был мгновенно забыт. – Ты с ума сошёл?! Мне осталось учиться всего год! А ты дёргаешь меня вот так просто, как свою чёртову марионетку! Даже не посоветовались!

Миссис Янг, женщина тихая и не выносящая конфликтов, поспешно встала из-за стола, забрала свою тарелку и скрылась на кухне под предлогом мытья посуды. Лицо мистера Янга побагровело. Вспышка хамства от всегда вежливого, послушного сына, отличника и гордости семьи, стала для него пощёчиной.

– Посоветоваться с тобой? – прогремел отец, упираясь кулаками в стол. – Сын, слияние с партнёром нашей фирмы требует моего обязательного и постоянного присутствия в Чикаго. Это карьерный рост. Ты давно не маленький и должен понимать положение вещей!

– Но у меня здесь всё! – голос Скотта сорвался. В его идеальном, распланированном мире образовалась огромная дыра. – Друзья, математическая команда, Кэрол. Мы с ней собираемся вместе подавать заявку в Уортонскую школу бизнеса. У меня здесь вся жизнь, а ты хочешь просто перечеркнуть это?

– Уортон? Серьёзно? – мистер Янг саркастично фыркнул. – Даже если ты чудом потянешь их программу, ты хоть представляешь, сколько это будет мне стоить?

– Согласен, вероятность того, что меня туда примут, чудовищно мала из-за безумной конкуренции, – парировал Скотт. – Но я всё равно хочу попробовать!

– Вот видишь, ты сам всё понимаешь. Ты умный парень, Скотт. Но настолько ли ты гениален, чтобы соответствовать требованиям лиги Плюща? Нужно быть реалистами.

Эти слова ударили по самому больному месту. Скотт шумно выдохнул, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

– Послушай, – процедил он, пытаясь говорить ровно. – В конце концов... дайте мне хотя бы доучиться здесь. Всего год. Оставьте меня в Вайтфилде. Я могу жить у друзей или снять комнату...

– И на что же ты будешь жить? – отрезал отец. – Я не собираюсь спонсировать тебя, пока ты тут развлекаешься. И не веди себя как эгоист. Или, может, твои друзья с математической командой будут кормить нас, когда я откажусь от переезда и потеряю работу?

– Я могу сам работать! Накоплю на учёбу, поступлю на год позже!

– Тратить время зря? Продавцом в супермаркете ты никогда не заработаешь на Уортон! Это чужь собачья. Разговор окончен, Скотт. Доучись в Чикаго, корона с тебя не упадёт. Там же и в местный университет поступишь. Нормальный, крепкий университет.

– Какого... Чёрт! Нахрен всё!

Скотт пнул стул так, что тот отлетел к стене, и пулей вылетел из столовой, с грохотом захлопнув дверь своей комнаты на втором этаже.

Он метался по комнате, как зверь в клетке. О сне не было и речи. Вся его жизнь, все планы, выстроенные по кирпичику, престижный колледж, будущее с Кэрол, статус лучшего ученика, всё рассыпалось в прах из-за одного решения отца. И самое страшное, что отец сомневался в нём. Сомневался, что Скотт потянет.

В два часа ночи Скотт не выдержал. Он натянул куртку, спустился вниз и вышел на улицу, хлопнув дверью. Проходя мимо идеального газона, он со злости саданул кулаком по металлическому почтовому ящику. Ребро ладони прострелила боль, но это не принесло облегчения. Он просто зашагал по тёмной улице, куда глаза глядят.

– Вот же... Поверить не могу, – бормотал он себе под нос, пиная камушки на асфальте.

Скотт прошёл почти милю, прежде чем ночной холод немного остудил его ярость. Он остановился под мигающим фонарём и достал телефон, собираясь написать Кэрол.

В этот момент тишину спящего пригорода нарушил низкий рокочущий звук мощного двигателя.

Из темноты вынырнул чёрный «Додж Челленджер» с двумя хищными красными полосами на капоте. Машина плавно поравнялась со Скоттом и затормозила. Тонированное стекло со стороны пассажира бесшумно опустилось.

Скотт забыл про телефон.

– Вы? – удивлённо спросил он, вглядываясь в салон. – Что вы здесь делаете?

– Логично было бы, если б этот вопрос задал я вам, мистер Янг, – произнёс спокойный голос. Мистер Дарквуд сидел за рулём, расслабленно откинувшись на кожаное сиденье. – Что делает примерный школьник посреди ночи на пустынной улице?

Дарквуд потянулся и толкнул пассажирскую дверь изнутри.

– Садитесь. Подвезу вас. Город хоть и тихий, но шляться по ночам в одиночестве в любом случае не самая умная идея.

Скотт замялся, переступая с ноги на ногу.

– Это необязательно. Я просто решил прогуляться. Проветрить голову.

– Серьёзно? – учитель легко ухмыльнулся, и в полумраке салона блеснули белые зубы. – А я вижу, что вы очень взволнованы. Сбежали из дома? Или что-то замышляете?

– Ну, не сбежал, но... – Скотт растерянно посмотрел по сторонам. Ситуация была абсурдной. Ночь. Пустая дорога. За рулём мощного маслкара сидит новый учитель истории, о котором в школе ничего не знают, кроме того, что все девчонки от него без ума. И какого чёрта сам Дарквуд делает здесь в такое время? Вряд ли тоже поругался с предками.

Учитель словно прочитал его мысли. Он расхохотался, откинув голову назад и запустив пятерню в свою вечно взъерошенную чёлку.

– Ну конечно, я напугал вас, – отсмеявшись, сказал Дарквуд. – Как забавно. Так и быть, попробую объясниться, чтобы не выглядеть маньяком. Я возвращаюсь от своей подруги, а с красивыми девушками время всегда летит незаметно. Вот я и задержался. Она живёт на углу Перлман и Пайн-стрит.

Дарквуд неопределённо махнул рукой куда-то назад.

– Мы немного выпили вина, и мне не хотелось бы нарваться на патруль по пути домой. Вы мой ученик, и в случае какой-либо неприятности с вами на ночной улице я буду чувствовать себя виноватым. Но мы стоим тут уже достаточно долго для привлечения внимания чьих-нибудь страдающих бессонницей глаз. Так что, раз вам не нужна помощь, я поеду.

Дарквуд потянулся к ручке, собираясь закрыть дверь.

– Подождите, – Скотт сунул телефон в карман. Объяснение звучало вполне логично и по-человечески, поэтому напряжение отступило.

Парень сел в машину и захлопнул тяжёлую дверь. В салоне пахло дорогой кожей и чем-то неуловимо горьковатым.

– Крутая тачка, – искренне сказал Скотт, оглядывая приборную панель.

– Ага. Максимальная комплектация, восемьсот лошадок под капотом и всё из натуральной кожи, – Дарквуд любовно погладил руль в коричневой оплётке. – Один хороший человек подарил. Так куда тебе?

– Домой. Мэйпл-стрит, 473. Хотя, – Скотт горько усмехнулся, явно польщённый переходом учителя на неформальный стиль общения, – не очень-то хотелось бы туда возвращаться.

– Нехило ты протопал, – присвистнул мужчина, плавно нажимая на газ. Машина почти беззвучно тронулась с места.

Какое-то время они ехали в молчании. Улицы Вайтфилда проплывали за окном тёмными пятнами, а Скотт ковырял заусенец на пальце и снова начал чувствовать себя неловко.

Вскоре Дарквуд нарушил тишину и мягко спросил:

– Так что, не расскажешь о причине своей прогулки?

Парень вздохнул, поскольку ему действительно хотелось выговориться, и не потом, а именно сейчас на фоне зашкаливающих эмоций. Ему повезло, что в данный момент готовый выслушать человек оказался рядом. Скотт рассказал про новость о переезде и нежелании уезжать. Бесило то, что отец всё за него решает, а мать даже не пытается встать на сторону сына. Подумаешь, бросить всё, зато появится много новых связей. Отец считал неправильным заикливаться на одних и тех же местах и требовал привыкать социализироваться в любой

среде. Самое смешное заключалось в том, что эти речи толкал человек, который сам после учёбы уехал из Чикаго к своей подруге в Вайтфилд и остался здесь, благодаря чему Скотт и появился на свет. Вдруг отцу понадобилось обратно, а появившаяся у парня личная жизнь никого не волновала.

– Новая работа, новые люди и перспективы, а для меня – учёба в университете большого города. Классно же звучит, да? Только вот он даже не спросил про мои желания и просто поставил перед фактом. Он не верит в моё поступление в школу бизнеса и даже шанса мне не даёт. В списке его жизненных ценностей я с детства был где-то между мебелью и котом. Мать только кивает или молчит, будто его позиция всегда единственно верная. В качестве оправдания звучат слова о том, что он кормит семью, а я пока не работаю и поэтому не имею права голоса. Чёрт, я всего себя посвятил учёбе, чтобы потом тоже кормить свою будущую семью и его в том числе. Я лучший ученик в этой долбаной школе! Даже лучше этого приезжего «Посмотрите На Меня Я Мистер Идеал»! Зачем тогда вообще я прилагал столько усилий и напрягал мозги, если учиться предстоит в самом обычном универе? Отец настолько зациклен на себе, что не даёт мне даже попытаться сделать что-то по-своему. Я уже просто задолбался быть их сыном.

Что они уже не едут и пару минут стоят у дома Янгов, парень заметил только, когда выговорился. Свет из окна его спальни пробивался сквозь деревья и мягким отблеском касался лобового стекла автомобиля. Городок снаружи спал в ожидании утреннего пробуждения. В салоне же царил тишина, словно они оказались полностью отрезаны от остального мира. Дарквуд чуть отвернулся к окну и задумчиво молчал.

Скотт засмеялся и сразу оборвал себя:

– Всё это звучит глупо. Простите. Вы, наверное, думаете, что я капризный истерик.

– Не извиняйся, – спокойно произнёс Дарквуд. – Ты просто злишься, и это совершенно нормально. Я тебя в какой-то степени понимаю. Мой отец тоже привык за всех решать, кто и для чего должен дышать. До недавнего времени у моих родителей это звалось порядком. Так что, полегчало тебе после рассказа о переживаниях?

Парень удивился интонации без пафоса и наставительного тона. Создавалось впечатление, что рядом сидел не преподаватель, а побывавший в его шкуре человек, который прекрасно знал, что такое невозможность что-либо изменить.

– Не знаю. Наверное, да. Просто выговориться кому-то, кто действительно слушает, уже неплохо, – ответил Скотт, глядя перед собой. – Обычно все ждут конца твоего рассказа ради возможности начать говорить о себе. Вот вы умеете просто молчать и слушать. Это приятно.

– У меня было время этому научиться, – ответил Дарквуд всё тем же ровным голосом. – Гораздо больше времени, чем ты можешь вообразить.

Мимо проехала единственная машина и выхватила светом фар его скуластый профиль.

– Как это?

– А ты хочешь услышать историю о моём детстве?

– Конечно, хочу.

– Будешь слушать и делать вид, что веришь, даже при всей невероятности истории?

– Эмм... – Скотт откинул чёлку со лба и посмотрел на мужчину. – Я не понимаю, о чём вы, но да.

– Что ж, синдром попутчика привлекателен возможностью вывалить всё на человека без риска новой встречи.

– В смысле? Вы уходите из школы?

– Уже ушёл. Сегодня. Так мне рассказывать?

Скотт кивнул.

– Я родился в мире, где никогда не наступает утро. Там не бывает ни ветра, ни пения птиц, а вместо солнца светит вечная луна. Там небо состоит из сумрачного пепла, а земля дышит мёртвой тьмой, и только серость растекается повсюду...

– Вы как будто рассказали мне сказку для утешения, – произнёс Скотт после завершения истории Дарквуда. – Только слишком мрачную. После такого мои проблемы кажутся полной ерундой. Вы сказали притвориться, что я верю. Н, если это всё правда, как такое вообще возможно? Вы выглядите как обычный человек.

– Когда-то я, возможно, и был им. Верить тебя я ни во что не обязываю. Ты хотел услышать историю, и я рассказал её тебе.

– Хорошо. Тогда что было потом? Как вы оказались здесь, в нашем мире?

– Когда я стал старше, мы с отцом пришли к взаимопониманию и условились помочь друг другу. Он дал мне вещь для управления душами в обход законов равновесия. Я не хочу применять её к тебе и отправлять туда. Сначала я собирался это сделать, но передумал. Я подарю тебе иную судьбу.

– Э-э... – парень поморщился. – Это уже перебор. Ладно, я понял ваше увлечение, но мне надоела эта игра. И мне всё равно давно пора идти.

– Нет, зачем? Разве тебя там ждут? А вот мне ты понравился своей непокорностью, мы очень похожи. Ты станешь сосудом для некоторой части меня, почти это за честь.

– Что вы несёте? – Скотт прижался к двери и нащупал ручку. Не верилось, что несколько минут назад он испытывал к этому сумасшедшему человеку симпатию.

– Мы будем близки как братья, и я думаю о твоей помощи мне в одном деле.

Скотт дёргал ручку двери, но замок оказался заблокирован.

– Я больше не хочу это слушать, откройте!

Дарквуд положил руку ему на плечо и развернул к себе. Он придвинулся настолько близко, что Скотт разглядел холодное сияние в его зрачках. Мужчина открыл рот, и ледяное дыхание заструилось прямо из его лёгких к губам парня. Скотт рефлекторно вдохнул этот воздух, как утопающий, и мороз мгновенно проник внутрь. Волоски на руках поднялись от холода, а по чёрной чёлке пополз иней. Широко распахнутые глаза парня засверкали, губы окончательно побледнели.

Дарквуд отстранился. Скотт сидел неподвижно и смотрел в лобовое стекло на расплывающиеся пятна лунного света. Воздух больше не пах кожаным салоном и дорогим парфюмом, теперь в машине отчётливо чувствовалась сырость погреба. Казалось, что они сдвинулись вниз под землю.

– Дыши, – сказал Адриан и с любопытством посмотрел на него. – Лёд не жалит, если не сопротивляться.

Скотт попытался снова вдохнуть. Сначала это было больно, но со временем дышать становилось легче, хотя с каждым новым вдохом мысли осыпались в его сознании как тонкие слои пыли. В голове оставались лишь бессмысленные отголоски произнесённых ранее слов о доме и родителях.

– Думаю, теперь ты сможешь найти решение своей проблемы, – сказал мужчина и заблокировал дверь.

Скотт вышел из машины, немного помедлил и пошёл к крыльцу. Он сел на ступеньки, обхватил себя руками и уставился в пространство. Парня бил сильный озноб, а странный туман в голове блокировал любые мысли, заставляя его чувствовать себя заторможенным и неспособным вернуть ясность ума. Стоило ему только попытаться сосредоточиться и прорваться в реальность, как густая пелена снова обволакивала разум, и из неё выплывало лицо учителя с его холодной усмешкой. Новый Скотт посмотрел на свои руки и точно понял дальнейший план действий.

Парень вошёл в дом и поднялся в родительскую спальню. Отец лежал на спине и храпел со свистящими трелями, а мать в маске для сна и берушах мирно посапывала рядом на боку. Ему даже стало интересно узнать секрет её спокойствия, ведь сам он ни в каких затычках не смог бы уснуть при таком шуме. Скотт склонился над постелью и положил ладони на их плечи.

– Мы никуда не едем.

Отец громко всхрапнул и открыл глаза, уставившись на сына затуманенным от сна взором.

– Скотт?

Руки парня стали обжигающе холодными, а кончики пальцев засветились морозной синевой, которая мгновенно проникла сквозь кожу родителей. Мистер Янг потянул руку к сыну, но она застыла прямо в воздухе, в то время как мать даже не успела проснуться. Мужчина и женщина превратились в ледяные скульптуры. На краткий миг Скотт очнулся и с ошарашенным видом посмотрел на плоды своих рук на кровати, пытаясь понять причину произошедшего. Однако затем всё снова заволочло туманом, и другой Скотт спокойно прикоснулся к своим вновь порозовевшим щекам. Он развернулся и просто пошёл спать, ведь завтра нужно было идти в школу.

Глава 4

На следующее утро Джудит шла в школу с таким чувством, будто её ведут на эшафот. Каждый шаг давался с трудом, и она всё время оглядывалась, ожидая, что из-за угла появится человек в коричневом костюме.

– То, что у нас сегодня нет истории, ещё не означает, что я не могу наткнуться на него в коридоре, – прошипела Джудит, прячась за спины Хёна и Тессы, когда они вошли в здание.

– Джудит, брось, – фыркнул Хён. – Тебе не кажется, что ты заигралась? Неловко, конечно, застукать своего препода с ученицей на свидании, но не убьёт же он тебя за это. И я думаю, твой розыгрыш со сказками про монстров слегка затянулся.

– И правда, – Тесса всплеснула руками. – Нравится тебе Дарквуд, так и скажи. А то твоя история больше похожа на низкосортный фанфик.

– Да не разыгрываю я вас! – Джудит в отчаянии толкнула подругу локтем. – Вы не понимаете. Как он может нравиться? Да он же... Он чёрт какой-то!

Их спор прервали разъярённые женские крики. Звук доносился из-за угла, в самом конце коридора. Друзья переглянулись и вместе с ещё десятком любопытных учеников поспешили на шум.

У приоткрытой двери директорского кабинета разворачивалась настоящая драма. Там стояли сам мистер Эванс, двое полицейских в форме, Реджина Флетчер, а также притихшие Гаррет, Джейкоб и Скотт.

Реджина, выглядевшая так, словно только что сошла со страниц журнала мод, с угрожающим видом наступала на троих парней. Глаза её метали молнии. Уилсон и Паркер испуганно пятились от неё, вжимаясь в стену. Скотт же стоял, не шелохнувшись, с абсолютно отрешённым стеклянным взглядом, словно происходящее его вообще не касалось.

– Вы всё время с ней проводили! Вам должно быть известно, с кем и куда она собиралась! Или вы всё-таки были вместе вчера?! Признавайтесь, вы не можете не знать, где моя дочь! – голос Реджины срывался на ультразвук.

– Да раньше так и было, – пролепетал Джейкоб. Он обеими руками, как щит, прижимал к груди баскетбольный мяч, как будто тот мог защитить его от разгневанной мамы. – Но теперь ей вообще не до нас.

– Это правда, – подтвердил Гаррет. – В последние дни мы видели Ханну только в школе.

Тесса и Хён переглянулись и удивлённо уставились на Джудит. Они потеряли дар речи.

А вот Реджина дар речи не теряла. Заметив в толпе зевак Хёна, она коршуном бросилась к нему.

– Ты! – Женщина вцепилась наманикюренными пальцами в воротник его кашемирового пиджака. – Это ты увёз её?! С кем ещё, кроме тебя, ей идти на свидание?! Она же сохнет по тебе!

– Джудит, послушай, – Тесса поспешно отвела подругу в сторону, глаза её стали размером с блюдца. – Ты должна им всё рассказать. То есть не про магию, конечно... а с кем ты видела Ханну. Давай быстрее, пока она из него душу не вытрясла!

– Миссис Флетчер, оставьте парня в покое, – вмешался один из полицейских. Это был полноватый светловолосый офицер лет двадцати семи. На его нагрудном значке блестела фамилия «Кенурти». Лицо его, хоть и старалось казаться строгим, выражало скорее снисходительное дружелюбие. – Ваша дочь уже взрослая. Наверняка веселится где-то с друзьями, а вы такой шум подняли, как будто случилось что-то непоправимое.

– А это – не непоправимое?! – Реджина, слава богу, отпустила Хёна. – Ханна никогда не уходила на всю ночь! И если она задерживается, она всегда звонит! Моя дочь уехала на свидан

ние в шесть часов вечера, а её телефон недоступен до сих пор! Она даже в сеть не выходила ни разу!

– С кем уехала? На какой машине? – деловито уточнил Кенуорти.

– Чёрт возьми, она не сказала! Ханна заявила, что это не моё дело, и мы немного повздорили. Я не смотрела в окно и не видела, какая там была машина.

Второй офицер, высокий подтянутый парень по фамилии Робинсон, с еле заметной усмешкой покачал головой и достал блокнот. Он повернулся к Хёнджуну, поправлявшему воротник.

– И всё-таки, парень, где ты был вчера вечером после шести?

– Дома. Моя семья подтвердит, – холодно ответил Хён. – Потом, около десяти часов, я заехал в кинотеатр за подругами, и мы поехали навестить нашего приятеля.

– С какими подругами и почему так поздно?

– Ну, всё, Джуд, пора, – Тесса больно ткнула девушку в рёбра. – Иди!

– Д-да, – Джудит словно вышла из оцепенения. Страх вдруг уступил место странному, почти мстительному воодушевлению. Пусть она не может рассказать про другой мир и монстров, но даже малой части правды будет достаточно, чтобы прижать к стенке это чудовище в человеческом обличье.

Она сделала шаг вперёд, прямо к Робинсону.

– Извините, офицер. Хёнджун тут ни при чём. Никто из нас ни при чём. Мы действительно навещали нашего друга, Калеба Эдвардса, он сейчас сидит дома со сломанной ногой. Но за пару часов до этого... я видела кое-что.

Реджина резко развернулась к ней. В глазах её зажёгся лихорадочный огонь.

– Говори же!

– Тихо-тихо-тихо, пойдёмте в мой кабинет и спокойно всё обсудим, – подал голос директор Эванс, который всё это время нервно переминался с ноги на ногу в стороне.

– Да, конечно, – согласился Кенуорти. Он пропустил вперёд своего напарника, Джудит, Реджину с Эвансом и, войдя следом, плотно закрыл за собой дверь, отсекая любопытные взгляды толпы.

В кабинете, пахнушем полиролью для мебели и старой бумагой, Джудит рассказала свою версию. Как поехала в магазин за яблоками. Как увидела мистера Дарквуда с Ханной, выходящими из кофейни. Не зная, как объяснить исчезновение в переулке, она просто соврала, что поехала дальше по своим делам и больше их не видела.

– С учителем?! – Реджина задохнулась от возмущения и накинулась на директора. – Вы вообще смотрите, кого принимаете на работу?! Да я вашей школе такую славу на весь штат организую, что вас закроют к чёртовой матери!

Эванс нервно сглотнул, поправляя галстук.

– Он немедленно будет отстранён от работы, миссис Флетчер...

– Да уж ещё бы, – с явным сарказмом вставил Кенуорти. – Мы могли бы с ним поговорить прямо сейчас, мистер Эванс?

Джудит побледнела, представив, как Дарквуд входит в этот самый кабинет. Но к её огромному облегчению выяснилось, что Адриана Дарквуда сегодня в школе нет. Он взял отгул.

– По-моему, тут всё очевидно, – хмыкнул Робинсон, захлопывая блокнот. – Зажигают в каком-нибудь придорожном мотеле. Дело молодое.

У Реджины сделался такой вид, будто она сейчас выцарапает молодому офицеру глаза. Она застучала своими длинными бордовыми ногтями по столу директора с такой яростью, что казалось, лакированная поверхность сейчас покроется трещинами.

– Мы прямо сейчас навестим этого типчика, – поспешно сказал Кенуорти, пытаясь разрядить обстановку. – Мистер Эванс, найдите-ка нам его адресок из личного дела. Девочка, ты свободна. Вот, возьми мою визитку на случай, если вспомнишь ещё какие-нибудь подробности.

Он открыл дверь, выпуская Джудит в коридор.

– Я еду с вами, – стальным голосом заявила Реджина, надвигаясь на полицейских.

– Да бога ради, – вздохнул Робинсон. – А я бы на вашем месте ещё и розги прихватил.

– Ты не на моём месте, – процедила мать Ханны и, гордо вскинув подбородок, выскочила из кабинета.

Джудит вышла следом. Её тут же обступили ученики, наперебой закидывая вопросами. Проигнорировав их всех, девушка схватила подоспевших Тессу и Хёна за руки и, ловко обогнув миссис Флетчер, потащила друзей по коридору в сторону выхода. Оторопевшие, они даже не сопротивлялись.

– Скорее! К твоей машине! – прошипела Джудит на ходу. – Они сейчас поедут к Дарквуду домой. Надо следовать за ними! Так мы узнаем, где живёт этот гад!

Они выбежали на залитую утренним солнцем парковку и остановились у белой «Хонды». Хёнджун упёр руки в бока и скептически посмотрел на подругу.

– Ну, нам-то зачем туда ехать? Полиция сама во всём разберётся. Нашли взрослого мужика с малолеткой, его арестуют. Конец истории.

– Открывай быстрее! – рявкнула Джудит, дёргая ручку пассажирской двери.

Хён проворчал что-то неопределённое по-корейски, но нажал кнопку на брелоке. Они забрались внутрь.

– Это уже смахивает на ста-а-а-лкерство, – протянула Тесса с заднего сиденья, пристёгивая ремень.

Из дверей школы вышли Кенурти и Робинсон, за ними семенила Реджина на своих немислимых каблуках.

– Пригнитесь! – скомандовала Джудит, сползая по сиденью. – Не хватало ещё, чтобы они нас заметили.

Троица взрослых обогнула парковку и перешла на другую сторону улицы, где стоял чёрно-белый крейсер «Форд Таурас». Как только у полицейской машины загорелись стоп-сигналы, Хён плавно завёл мотор.

От школы они последовали за «Фордом» по Уиллоу-Вэй. Джудит сидела, вцепившись в приборную панель, и почти не дышала. Через шесть кварталов полицейская машина свернула на Пятую улицу. Хёнджун вёл аккуратно, держась на почтительном расстоянии, чтобы не вызывать подозрений, но стараясь при этом не упускать их из виду за поворотами.

Машины миновали Кингстон-парк с его вековыми дубами и выехали на Дженсон-стрит, шумную центральную улицу с многочисленными магазинчиками и кофейнями. Проехав её до самого конца, «Форд» свернул в восточную часть города и покатил к зелёной окраине.

– Это ж надо, – возмутился Хён, барабанил пальцами по рулю. – Неужели нельзя было поближе к школе поселиться?

– А я удивлена, что они поехали не в сторону городского кладбища, – нервно хмыкнула Джудит. – Ох, чёрт! Опять проклятый светофор! Хён, не упусти их!

– Джуд, спокойно, догоним, – парень уже и сам был на нервах, а её паника только подливала масла в огонь.

Он нетерпеливо следил за тем, как «Форд Таурас» огибает местное бейсбольное поле, которое в этот утренний час было совершенно пустым, и медленно спускается на Сайлент-Корт, тупиковую улицу без сквозного проезда.

– Чёрт, – ругнулась Тесса, вытягивая шею между передними сиденьями. – Там тупик. Если мы сунемся туда следом, то сразу привлечём внимание.

Хён плавно затормозил у края бейсбольного поля, скрывшись за рядом густых кустов.

– Тогда дальше идём пешком.

– Ага, так нас точно не заметят, – съязвила Джудит, нервно теребя ремешок рюкзака. – Тем более, пока мы будем пешком добираться, мы не увидим, в какой именно дом они зайдут.

Или откуда выйдут. Или они вообще сразу уедут, если им никто не откроет! Так что езжай дальше. Остановимся где-нибудь между участками, а там как пойдёт. А если кто-то докопается, свалим всё на банальное подростковое любопытство. Это же всё-таки касается нашего преподавателя и одноклассницы.

– Ну как знаешь, – вздохнул Хён, снимая ногу с тормоза.

Машина медленно спустилась на Сайлент-Корт.

– Что-то я не наблюдаю здесь готического замка Дракулы, – сказала Тесса, оглядывая открывшийся вид.

– Да, странно, – Джудит всегда представляла, что их странный преподаватель живёт в более мрачном месте, в каком-нибудь старом викторианском особняке с облупившейся краской. Здесь же все дома были большими и красивыми, с аккуратно ухоженными участками. Вдоль дороги росли молодые клёны, и их золотистые и багровые листья мягко поблёскивали в холодных лучах утреннего солнца.

– Я раньше считал, что на окраинах селятся только бедняки, – прокомментировал Хён-джун. – А здесь очень даже прилично всё выглядит.

Он остановил машину между первыми двумя домами, но глушить мотор не стал.

– Смотря где, – отозвалась Тесса. – В Вайтфилде окраины скорее для любителей тишины и природы. Там дальше вообще лес начинается. Я бы и сама здесь с удовольствием жила. О! А вот и наши друзья.

Автомобиль городской полицейской службы был припаркован у дома, стоявшего прямо по центру разъездной площадки в самом конце тупика.

– Давай ещё ближе, а то ничего толком не видно, – попросила Джудит, прищуриваясь.

Хён закатил глаза, но проехал ещё немного вперёд, остановившись перед лужайкой соседнего дома, кирпичного строения цвета кофе с молоком и с тёмно-коричневой черепичной крышей.

Отсюда им открылся отличный вид. Троица взрослых уже стояла на крыльце большого двухэтажного дома, отделанного белой керамической плиткой. На первом этаже красовались высокие арочные окна, а второй привлекал внимание просторным балконом с изящными коваными перилами.

– Какой изысканный, однако, у твоего вампира вкус, – усмехнулась Тесса.

Кенуорти протянул руку и нажал кнопку звонка.

Примерно через минуту дверь открылась, и перед ними предстал мистер Дарквуд собственной персоной.

Джудит подалась вперёд, почти прилипнув носом к стеклу. Дарквуд был в шёлковой тёмно-синей пижаме, а его русые волосы были взлохмачены сильнее обычного. Он выглядел так, словно его только что вытащили из глубокого сна.

Реджина, не тратя времени на любезности, грубо отодвинула офицеров в сторону и протиснулась мимо Адриана прямо внутрь дома. Сотрудники полиции переглянулись, Кенуорти что-то быстро сказал Дарквуду, и они последовали за разъярённой матерью внутрь. Дарквуд, пожалв плечами, закрыл за ними дверь.

В машине повисла напряжённая тишина. Друзья замерли, не сводя глаз с белого фасада.

И тут Джудит боковым зрением уловила движение.

По подъездной дорожке соседнего дома, прямо к их припаркованной «Хонде», бодро семенила благообразная старушка в стёганом пальто. Она тащила за собой на поводке рыжего шпица с пушистым, как облако, задом. Старушка явно заинтересовалась незнакомой машиной, стоящей у её газона.

– О, не-е-ет, – простонала Джудит, сползая ниже по сиденью.

Хён и Тесса тоже заметили пожилую женщину. Хён вцепился в руль и прошипел сквозь зубы:

– Не смотрите на неё.

Это было трудновыполнимо, так как бабулочка уже стучала костяшками пальцев по стеклу передней пассажирской двери. Джудит вздохнула и нажала кнопку стеклоподъёмника.

– Могу ли я полюбопытствовать, – назойливая бабка, согнувшись пополам, уже пыталась засунуть свою голову с белыми кудряшками внутрь машины, – кто вы такие? Почему стоите около моего дома?

– Мы-ы, – начала было Джудит, но зависла в растерянности. Хёнджун тоже промычал что-то невнятное.

– Так что – вы? – старушка цепким взором оглядела всех троих. – К кому же вы приехали, если не ко мне? Грабить собрались кого-то из моих соседей?

– Х-хе, – издала нервный смешок сидевшая на заднем сиденье Тесса. – Разве мы похожи на грабителей?

– Всё понятно. Если нечего ответить, значит, точно что-то замышляете.

Хён старался поскорее придумать способ избавиться от бабки. Тут ещё как назло затяв-кал пышнозадый зверь, которому передалось настроение его хозяйки.

– А вон как раз и полиция стоит! Идём, Кексик, расскажем им про этих подозрительных типов. – Старушенция, сделав пару шагов от машины, потянула Кексика за собой.

– Подождите! – Хёнджун высунулся из окна, пока та не успела ступить на дорогу. Лицо его приобрело выражение идеальной, непробиваемой серьёзности, которая всегда давалась ему без труда. – Мы просто не хотим, чтобы вы нам всё испортили.

Старушка остановилась, обернулась и удивлённо вздёрнула выщипанные брови.

– Понимаете, – продолжил Хён, и Джудит физически ощутила, как он придумывает на ходу, – мы студенты полицейской академии. Сейчас мы на учебном задании. С нашими наставниками, – он кивнул в сторону «Форда Тауруса», – мы отрабатываем сценарий по задержанию наркоторговца и деэскалации конфликта. Они сейчас работают с предполагаемым преступником в доме. Когда нам подадут сигнал, мы должны будем присоединиться. И получается, что в данный момент вы срываете нам операцию.

– Наркоторговля? Здесь?

Повисла пауза. Теперь настала очередь старушки зависнуть. Она напоминала карикатурного робота с задымившейся микросхемой в голове. Лицо Хёна же стремительно приобретало пунцовый оттенок от осознания того, какую несусветную чушь он мелет.

– Ребят, ребят! – Тесса вдруг забарабанила по плечам обоих. – Они выходят! Что делать?!

Отвлечённые на старушку, они пропустили момент, когда тяжёлая дверь дома Дарквуда распахнулась, и на крыльце снова появилась их троица.

Джудит повернулась и уставилась на них. И похолодела.

На лицах офицеров и Реджины Флетчер сияли улыбки. Не обычные, не вежливые, не натянутые, а блаженные, полоумные, счастливые улыбки людей, которые увидели нечто прекрасное. Кенурти улыбался так, словно ему дали медаль. Робинсон – словно выиграл в лотерею. А Реджина... Реджина, которая пять минут назад была готова голыми руками рвать Дарквуда на части, выглядела так, будто пережила религиозное прозрение.

Адриан стоял на крыльце в своей пижаме и тоже улыбался. Но его улыбка была другой. Контролируемой.

– Нет, погодите-ка. Как-то подозрительно всё это. Не верю я вам.

Бдительный цербер Сайлент-Корта отвис и снова двинулся в сторону полицейского форда.

Кенурти и Робинсон пожали руку Адриана, оба по очереди, почти с поклоном, как будто благодарили за великую честь. Реджина сначала тоже протянула ладонь, но передумала, встала на цыпочки и чмокнула молодого мужчину в щёку. Потом, хихикая, словно школьница,

сорокалетняя бывшая модель, мать пропавшей дочери, легко спорхнула с крыльца к полицейской машине.

Как только все трое сели и захлопнули двери, улыбка мгновенно исчезла с лица Адриана Дарквуда. Он сухо, без единой эмоции, развернулся и захлопнул входную дверь.

– Офицеры! Эй, офицеры! – старушка ковыляла по дороге, размахивая свободной рукой. Кексик, семена за ней на коротких лапках, заливался визгливым лаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.